

Я.Н.А.

Испепеленный жаждой мщенья

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я.Н.А.

Испепеленный жаждой мщенья

«Автор»

2026

Я.Н.А.

Испепеленный жаждой мщенья / Я.Н.А. — «Автор», 2026

Род Кречетовых был жестоко вырезан заговорщиками, и лишь один мальчик чудом выжил в ту страшную ночь. Спустя годы он вернулся под именем Никиты Богданова, став грозным начальником Тайной канцелярии и верным псом царя Петра I. Два года он вел скрытный сыск, подчиняя всю свою жизнь одной цели — тотальному уничтожению убийц своего отца. Но дьявольская интрига заговорщика Догодькина переворачивает всё: через фальшивые доносы и грязную ложь Догодькин ставит Никиту с его венчанной женой, благородной Катериной. Любовь и зарождающееся доверие молодоженов в один миг разбиваются о ядовитую ревность, убойное отчаяние и страшное недопонимание. Ослепленный гневом государь Пётр I волочет своего лучшего ищейку на дыбу, а на Красной площади уже готовят эшафот... Выдержит ли стальной хребет Никиты адские казематы? Сможет ли Катерина заслонить любимого врага от карающего топора, и растает ли лед безразличия в огне их запредельной страсти.

© Я.Н.А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Испепеленный жаждой мщенья

Глава

Я.Н.А.

ИПЕПЕЛЕННЫЙ ЖАЖДОЙ МЩЕНЬЯ

Род Кречетовых был жестоко вырезан заговорщиками, и лишь один мальчик чудом выжил в ту страшную ночь. Спустя годы он вернулся под именем Никиты Богданова, став грозным начальником Тайной канцелярии и верным псом царя Петра I. Два года он вел скрытный сыск, подчиняя всю свою жизнь одной цели — тотальному уничтожению убийц своего отца. Но дьявольская интрига заговорщика Догодькина переворачивает всё: через фальшивые доносы и грязную ложь Догодькин ставит Никиту с его венчанной женой, благородной Катериной.

Любовь и зарождающееся доверие молодоженов в один миг разбиваются о ядовитую ревность, убойное отчаяние и страшное недопонимание. Ослепленный гневом государь Пётр I волочет своего лучшего ищейку на дыбу, а на Красной площади уже готовят эшафот... Выдержит ли стальной хребет Никиты адские казематы? Сможет ли Катерина заслонить любимого врага от карающего топора, и растает ли лед безразличия в огне их запретельной страсти, когда вологодская ссылка станет для них последним шансом на иссеченное счастье.

ЧАСТЬ 1

ПЕЛЕНА МЕСТИ

Глава 1

В каждом движении графа сквозила хищная порода степного вожака. Он напоминал матерого, разъяренного льва — грозного, не знающего жалости зверя, который привык одним лишь тяжелым, свинцовым взглядом подчинять себе любое общество. Его мягкая, но пугающе бесшумная походка заставляла сподвижников замирать на месте и затаивать дыхание. Интуитивное, почти мистическое чутье на малейшую ложь и скрытую угрозу всегда внушало его окружению трепет и суеверный животный страх.

Сейчас молодой граф Никита метался из угла в угол своего роскошного кабинета, точно запертый в клетке дикий хищник. Он решительно не находил себе места. Все тончайшие, выверенные до мелочей планы, которые он строил месяцами, рухнули в один миг. Этот проклятый сукин сын, этот склизкий змееныш в очередной раз выскользнул из расставленных сетей и улизнул прямо у него из-под носа!

Из груди Никиты вырвался глухой, утробный рык. Мощный, сокрушительный удар кулака сотряс стену — старинные дубовые панели жалобно хрустнули под его напором, а тяжелые картины в массивных золоченых рамах испуганно задрожали и покосились. Костяшки пальцев мгновенно разбились в кровь, окрасив багровым безупречные манжеты, правая рука онемела от тупой, пульсирующей боли, но молодой человек ничего этого не замечал. Его душу до самого основания выжигала всепоглощающая, бешеная ярость, рожденная от столкновения с подлой несправедливостью и гнильстью человеческой природы.

Никита замер у высокого окна, тяжело и прерывисто дыша, уперевшись окровавленным кулаком в стекло. В его темных глазах, устремленных на залитый солнцем усадебный двор, плясали опасные, грозные искры.

«Ничего, беги... — ядовитой змеей укусила мысль. — Земля круглая, а петля Тайной канцелярии длинная. Из-под земли достану. На куски порву, а своего добыю».

«Ах, Семен Иванович, старый ты лис! Зря ты затеял со мной эту опасную игру в кошки-мышки! Зря покрываешь и прячешь на груди моего злейшего врага! — бешено, набатом пронеслось в его раскаленной голове. — Теперь я тебя в порошок сотру. Раздавлю, как паршивого котенка! Не будет пощады ни тебе самому, ни твоим преданным родственникам, будь они трижды прокляты!»

Граф резко затормозил у массивного письменного стола, тяжело дыша. Он в упор посмотрел на свое отражение в ростовом зеркале с изящной венецианской огранкой. Густые темные волосы растрепались от резких движений, превратившись в настоящую дикую гриву. В расширенных, почти черных зрачках полыхало адское, неуправляемое пламя. Из зазеркалья на него глядел не благородный вельможа, а опасный, готовый к смертельному прыжку зверь.

— Иван! — во всю мощь легких проревел граф. Гулкий бас раскатился под высокими потолками так, что испуганно зазвенели хрустальные подвески на тяжелой люстре.

За дверью мгновенно послышалась суматошная, паническая суета. Бедный слуга Иван, дежуривший в коридоре, торопливо и истово перекрестился, прошептал короткую, горячую молитву ко всем святым о спасении своей грешной души и только тогда, едва переставляя онемевшие ноги, переступил порог судейского кабинета.

— Слушаю, ваше сиятельство... — бледный как полотно юнец робко замер у самого входа. Он испуганно вжал голову в плечи и судорожно вцепился в подол собственного кафтана, не смея сделать больше ни единого шага вглубь комнаты.

Никита медленно обернулся к нему. Окровавленные костяшки его пальцев все еще глухо пульсировали болью, а на безупречно белом манжете расплывалось зловещее багровое пятно. От этого зрелища Иван побелел еще сильнее, готовый в любую секунду рухнуть на колени.

— Чего ты застыл там, как соляной столп в проходе?! — продолжал греметь граф, сверкая очами и делая угрожающий шаг вперед. — Или я, по-твоему, должен надрывать связки и разговаривать с тобой на повышенных тонах?!

Несчастный слуга окончательно потерял дар речи от этого громоподобного рыка. Он судорожно, со свистом сглотнул и намертво усталился в лакированный паркет, боясь даже на миллиметр поднять голову.

— Помилуйте, господин... — едва слышно промямлил преданный слуга, буквально сжимаясь под этим тяжелым взглядом. — Вы и так громыхаете на весь дом, словно гроза в майскую ночь. К вам в господское крыло заходить-то жутко, все дворовые по углам попрятались, а уж на глаза вашему сиятельству попадаться — чистая погибель...

Никита смерил его ледяным, пронзительным взглядом. Он тяжело, со свистом выдохнул и на секунду поднял глаза к лепному потолку кабинета, словно безмолвно умоляя небо даровать ему хоть каплю терпения в этот проклятый день. Затем граф сделал несколько шагов назад и небрежно присел на самый край массивного дубового стола, скрестив руки на груди. Отсюда он принялся пристально, буквально испепеляя взглядом, рассматривать сжавшегося у дверей Ивана.

— Вот скажи мне, любезный, почему? — опасно тихим, вкрадчивым голосом зарычал молодой человек, и этот шепот прозвучал для Ивана страшнее любого крика. — Почему мне вовремя не доложили, что этот скользкий тип обвел меня вокруг пальца, как последнего дурака?! Почему я, потомственный дворянин и глава канцелярии, должен узнавать о собственном позоре последним, да еще от посторонних людей на улице?!

— Барин, кормилец, я, конечно, всей душой понимаю вашу праведную ярость, но смилюйтесь! — жалобно запричитал слуга, всплеснув руками и чуть ли не падая на колени. — Я-то, грешный, здесь при каком деле? За господским хозяйством и погребам смотрю исправно, серебро до блеска чищено, кони в конюшне сыты и выхожены, а в ваши высокие, государственные интриги я не лезу и соваться не смею! Право слово, ваше сиятельство, сделайте милость,

избавьте раба Божьего от роли козла отпущения! Своих забот полон рот, а тут под горячую графскую руку ложись...

Никита от такой искренней, отчаянной тирады удивленно вскинул густую бровь. Безумный, ослепляющий гнев на мгновение отступил, уступив место мимолетной иронии. Граф криво усмехнулся, признавая, что сорвал злость совсем не на том человеке.

— Хорошо, ладно... Я погорячился, — уже гораздо мягче и глуше ответил он, осторожно потирая разбитую, ушибленную о стену руку, которая теперь сильно ныла. — Прости, вспылел. В ногах правды нет, подойди ближе.

Иван несмело сделал два шага вперед, все еще с опаской косясь на окровавленные костяшки пальцев хозяина. Никита посмотрел на рану, брезгливо поморщился и достал из кармана белоснежный шелковый платок, принимаясь неторопливо перевязывать кисть. Страсть улеглась, и на смену ей пришел холодный, расчетливый ум матерого сыщика.

— Подай мне чистую сорочку из гардеробной, — ровным, леденящим тоном приказал Никита, не глядя на слугу.

Иван шумно, с присвистом облегченно вздохнул. На его бледные щеки вернулся румянец, и он добавил уже гораздо смелее, с привычной укоризной:

— Ну, слава тебе господи, отпустило... Смею заметить, барин, вы же весь дом, в такое страшное смятение своими выходками повергли! Прямо хоть святых выноси!

— Выходками, значит?! — мгновенно преобразился Никита. Металл снова зазвенел в его голосе, а губы искривились в опасной усмешке. Он процедил слова сквозь плотно сжатые зубы: — Выходками?.. Ну держись, окаанный. Сейчас я тебе покажу настоящие выходки!

С угрожающим, поистине лютым видом Никита коршуном двинулся на вмиг обомлевшего слугу. Иван слишком поздно понял, какую глупость сморозил. Спасая свою шкуру от барского гнева, он с неожиданной от самого себя прытью метнулся к выходу. Захлопнуть тяжелую дубовую дверь удалось в самый последний миг — буквально перед суровым носом разъяренного хозяина. В последний момент слуга успел заметить, как Никита картинно замахнулся пухлым томом законов империи, но бросил его обратно на стол, аккуратно расправив загнутый уголок переплета.

Оказавшись в полумраке коридора, Иван шумно перевел дух и судорожно утер обильный холодный пот со лба широким холщовым рукавом.

«Ну вот, за грехи мои, опять в немилость впал! Чистый бес в него вселился, надо хорониться!» — испуганно промелькнуло в его голове.

Иван прекрасно знал, что барин его и пальцем не тронет — за все года службы максимум, что прилетало ему по затылку, это свернутая в трубочку свежая газета. Но традиция требовала безупречного отыгрыша смертельного испуга. Подобрав полы кафтана, слуга сокрушенно вздохнул о своей горькой доле и во все лопатки припустил к своей тесной, душной камерке под лестницей, надеясь переждать там грозу. По пути он на автомате поправил криво висящую на стене картину — барин страсть как не любил беспорядок.

В ту же секунду Никита с треском рванул дверь кабинета наружу. Он обвел опустевший коридор яростным, испепеляющим взглядом. Половицы еще дрожали от топота сбежавшего слуги.

— Ну, попадись ты мне только на глаза, мелкий греховодник! Я тебе такую трепку задам — до новых веников не забудешь! — громовым эхом выкрикнул граф в пустоту, изо всех сил стараясь придать голосу побольше кровожадности, чтобы у Ивана в его убежище гарантированно побежали мурашки.

Он круто развернулся, накинул на плечи плащ и стремительно вышел на крыльцо, со всей силы хлопнув дверью так, что задрожали оконные слюдяные оконца. На улице Никита жадно хватал ртом прохладный воздух, но мысли его были далеки от покоя.

«Мелкая сошка, приближенная крыса! И ведь как тонко пел! Как же я, тертый калач, поверил тебе?! Ложь, кругом одна подлая ложь и сплошное, приторное лицемерие! Но я отомщу. Со мной шутки плохи. Недаром меня, как огня, боятся все мои враги!» — граф яростно сжал кулаки, уставившись в туманный сад. Мысленно вернувшись к своему молодому слуге, продолжил диалог уже с ним:

«Вот вернусь, — продолжал он бушевать про себя, — и лично заставлю этого лоботряса съесть всю подгоревшую кашу, которую он мне вчера сварил! Нет, хуже. Объявлю ему строжайший выговор! Без лишения жалованья, конечно, а то опять пойдет занимать у соседей на овёс для своей дворовой собаки... И ведь у кого, спрашивается, этот дурак учился так виртуозно наглеть? У меня же и учился! Тьфу, никакого уважения к первоисточнику. Ладно, пускай посидит под лестницей, померзнет для приличия минут двадцать, а потом велю подать чаю. И если этот прохвост забудет положить туда три ложки сахара, вот тогда я точно... просто переверю ему чистку моих самых парадных сапог!»

Выпустив пар на прохладном воздухе, Никита демонстративно громко потопал сапогами по ступеням крыльца — чтобы затаившийся в каморке греховодник точно знал: «гроза» возвращается.

Граф вошел в прихожую. В доме стояла мертвая, неестественная тишина. Из-под лестницы не доносилось ни звука, но Никита готов был поклясться, что слышит, как там от страха и пыли чихает его верный слуга.

Граф прошел в гостиную, умышленно тяжело дыша и ворча под нос про «неблагодарных иродов». Он сел в кресло, откинул полы плаща и стал ждать. Минута, две, три...

На исходе десятой минуты половицы у двери робко скрипнули. В дверном проеме показался поднос, а за ним — согнутая в три погибели фигура Ивана. Слуга передвигался странно, скользящими полушагами, словно пытался слиться с обоями. Лицо его выражало такое глубокое, почти библейское покаяние, что Никите стоило огромных усилий не фыркнуть от смеха.

— Ваше... ваше сиятельство... — замогильным шепотом выговорил Иван, не поднимая глаз и протягивая поднос на вытянутых дрожащих руках. — Чаю изволите? Свежий... только заварил. С травами, как вы любите, для... успокоения нервного тракта.

Никита смерил слугу самым суровым, леденящим взглядом из своего арсенала. Он медленно протянул руку, взял чашку, сделал глоток и замер. Чай был приторно, невыносимо сладким. Ровно три ложки сахара. Этот прохвост знал своего хозяина слишком хорошо.

Граф с грохотом опустил чашку на блюдо. Иван испуганно икнул и зажмурился, ожидая, что сейчас этот чай полетит ему в физиономию.

— Ну и что мне с тобой делать, чучело ты гороховое? — ледяным тоном спросил Никита.

— Казнить, барин! — преданно выдохнул Иван, приоткрыв один глаз. — На конюшню велеть отвести! Розгами запороть! На каторгу сослать! На всё ваша воля, Никита Николаевич, виноват, дурак, не со зла сморозил!

— На конюшню, говоришь? — Никита прищурился, пряча ухмылку за кулаком. — Нет, для конюшни ты слишком ленив. И розги на тебя тратить жалко — еще погнутся о твой упрямый затылок. Значит так, Иван. Наказание тебе будет страшное. Видишь вон те парадные сапоги с серебряными пряжками?

Иван поглядел на обувь так, словно ему предъявили смертный приговор.

— Вижу, барин...

— Чтобы к вечеру они блестели так, будто их ангелы на небесах чистили! Комары должны подлетать, видеть свое отражение в голенище и от зависти падать замертво! Понял?

— Понял, ваше сиятельство! Всё исполню! — Иван просиял, едва не уронив поднос от радости. — Будут блеснуть лучше барского глаза!

— И кашу, подгоревшую завтра сам есть будешь! — крикнул граф уже в спину стремительно уплывающему в коридор слуге. Из коридора донеслось лишь счастливое и облегченное: «С превеликим удовольствием, кормилец вы наш!»

Никита покачал головой, сделал еще один глоток сладкого чая и наконец-то улыбнулся в полную силу.

Графский титул и земли Никита получил из рук самого царя Петра Алексеевича после великой и кровавой Полтавской виктории. То славное сражение открыло России долгожданный выход к Балтийскому морю, а для молодого воина стало путевкой в жизнь. В том страшном, пороховом бою юноша отличился безумной доблестью, железной решительностью и невероятной находчивостью. Год за годом, рискуя головой, он по крупницам восстанавливал растоптанное, честное имя своей семьи. Этим он завоевал безграничное расположение сурового государя и стал одним из самых приближенных лиц при императорском дворе. Теперь молодой граф возглавлял грозную Тайную канцелярию — ведомство слова и дела. Это давало ему безграничную власть и очень помогало тайно расследовать главное, глубоко личное дело всей его жизни.

Глаза Никиты застилала багровая пелена слепого гнева и вековой ярости. Прошлое вихрем ворвалось в его сознание, и он вновь вспомнил тот самый злополучный, проклятый день.

Начинался он удивительно замечательно. В памяти яркими вспышками всплывали материнская нежность, тепло ее рук и тихий, баюкающий голос. Слышался залиvistый, громкий смех отца, пившего чай на веранде... А глубокой ночью в их мирную усадьбу ворвались безжалостные головорезы. Обезумевший от страха маленький Никита едва успел забиться в самую глубь темной каморки под лестницей. Затаив дыхание, сквозь узкую щель он в абсолютном ужасе наблюдал, как наемники хладнокровно убивают его отца, беззащитную мать, преданную прислугу, совсем еще крошечную младшую сестру и старшего брата. Испуганный до смерти малыш изо всех сил зажимал рот обеими ладошками, кусал пальцы до крови, чтобы не выдать себя ни единым звуком. Горькие слезы отчаяния жгучими струями лились по бледным щекам, а леденящий ужас намертво сковал его хрупкое детское тело.

Расправившись с несчастными и наскоро обыскав сундуки, бандиты безжалостно подожгли родовую усадьбу. Старинный барский дом, конюшни, амбары — всё в считанные минуты полыхнуло ярким, ревущим пламенем. Огонь жадно пожирал прошлое, превращая в пепел счастливую жизнь семьи и надежно скрывая кровавые следы преступления.

И сейчас, спустя годы, перед взором взрослого мужчины, высокопоставленного вельможи, вновь со всей отчетливостью возникла та страшная, разрывающая душу картина: запертые в конюшнях обезумевшие породистые лошади призывно, дико ржали, бились копытами в запертые денники и сгорали заживо в страшной агонии полной беспомощности.

Чудом уцелевший мальчик спасся из того огненного ада. Одиноким, напуганным до смерти ребенок брел по лесам и глухим оврагам. До богатого имения родного дяди он добрался лишь спустя три мучительных дня. На несчастном буквально не было лица. Он находился в глубочайшем, тяжелом шоке. Все эти бесконечные дни маленький Никита не маковой росинки не съел. Он пил грязную воду из дорожных луж и испуганно прятался в кустах от любых людских глаз. Ребенок интуитивно, как раненый зверек, чуял смертельную опасность от каждого шороха.

Николай Иванович Богданов внимательно, с замиранием сердца выслушал сбивчивый рассказ племянника. Он подробно, шаг за шагом расспросил обо всех деталях страшной ночи. С того самого злосчастного дня, ради безопасности, мальчик навсегда перестал носить свою родовую фамилию. Теперь он звался Богдановым. Дядя принял сироту как родного сына. Он окружил его заботой и дал лучшее по тем временам образование.

Правда, для высшего света и досужих кумушек Никиту объявили «внебрачным сыном Богданова от дворовой крестьянки». На какую только горькую ложь и унижение не пойдешь ради спасения хрупкой детской жизни! Ведь враги не должны были прознать, что наследник сожженного рода выжил.

Никита учился прилежно, жадно впитывая науки. Но рос он болезненно замкнутым, суровым и отчужденным от сверстников. Юноша глубоко подозревал каждого встречного, видя в любом человеке потенциального предателя. С самых ранних лет в его груди глухо кипела и клочкотала неутолимая жажда мести. Он грезил кровавой расправой над лютым ворогом — Догодькиным. Но просто ворваться на званный пир и прилюдно закричать: «Сволочь, я знаю, что это ты вырезал мою семью!» — было безумием. Графа бы просто подняли на смех, сочли безумцем и сгноили в казематах.

Господи, сколько страшных ночных кошмаров перенес этот ребенок! В каждом ночном видении неизменно присутствовал безжалостный убийца. Каждую ночь он снова и снова заносил нож над его близкими. Мальчик просыпался в холодном липком поту, задыхаясь от ужаса. Мсть стала его воздухом. Мсть превратилась в единственную главную цель его земного существования.

Со временем изломанный горем юноша возмужал. Он превратился в поразительно красивого, статного и широкоплечего мужчину с царственной осанкой. Несмотря на сомнительный, двусмысленный статус «байстрюка» и внебрачного сына, молодой человек считался на Москве завидным женихом. Знатные девицы и признанные светские красавицы засматривались на него. Они томно вздыхали и наперебой мечтали, чтобы суровый красавец обратил на них хоть каплю своего внимания.

Но всё было тщетно. Молодой граф оставался абсолютно глух и слеп к любым женским заигрываниям и кокетству. Его сердце было выжжено. Никита упорно, не щадя сил строил блестящую военную карьеру. Параллельно он по камням восстанавливал родовое поместье. Сколько горьких, жгучих мужских слез он тайно пролил на черном пепелище родного дома — не передать никакими словами.

Тяжелые мысли прервал деликатный, даже какой-то заискивающий скрежет. Пелена гнева рассеялась, и Никита повернул голову. Изогнувшись в почтительном поклоне, боком просочился Иван. В руках он с величайшим трепетом, словно святые мощи, держал те самые парадные сапоги с серебряными пряжками. Сапоги действительно сияли так, что на них больно было смотреть.

— Ваше сиятельство, — вкрадчиво зашептал слуга, косясь на хозяина с опаской, но уже без прежнего панического ужаса. — Всё исполнено в лучшем виде. Комары, как вы и приказывали, подлетать боятся — бьются о голенище насмерть. Куда прикажете их поставить?

Никита посмотрел на сияющую обувь, затем на круглую, преданную физиономию Ивана. Тяжелый ком, сжимавший грудь графа мгновение назад, окончательно растаял. Жизнь продолжалась. И в этой новой жизни у него был этот невыносимый, наглый, но готовый пойти за ним в огонь дурак.

— Ставь сюда, чудо пернатое, — уже совершенно спокойно буркнул Никита, усаживаясь в кресло. — И вели закладывать карету. Едем к дяде. Да поживее поворачивайся, пока я не вспомнил, что ты мне полчаса назад наговорил.

Иван радостно закивал, сверкнув зубами, и вихрем вылетел вон — организовывать отъезд. Когда они почти подъехали слуга вспомнил, о чем забыл обмолвиться:

— Ваше сиятельство, — вкрадчиво зашептал он, заметив, что хозяин пришел в себя. — Вы не извольте гневаться, я и кафтан ваш лучший уложил, и сухарей в дорогу взял... Только вот со страху ложки серебряные в комодке забыл пересчитать. Если их кто утащит, вы уж на меня растрату не пишите, ладно?

Никита лишь устало махнул рукой. Тяжелый ком в груди немного отпустил. Этот невыносимый прохвост своей бытовой суетой умел разгонять даже самые жуткие кошмары.

Тяжелая дорожная карета с грохотом остановилась возле парадного крыльца поместья Богдановых. Не дожидаясь, пока лакей откинет подножку, молодой человек буквально вылетел наружу, тяжело дыша. Он стремительно ворвался в дом. Иван семенил следом, нагруженный узлами и испуганно озирающийся на незнакомых дядиных слуг.

— Дядя! Дядя, всё пропало! Всё летит к чертям! — неистово закричал Никита прямо с порога, сбрасывая на руки подскочившему Ивану дорожный плащ. Слуга от неожиданности чуть не погреб под тяжелой тканью и сапоги, и собственную голову. — Крагин, подлец, сорвался с крючка! Эта тварь побежала доносить Догодькину! А ведь я эту пригретую крысу так умасливал, так прикармливал... Тьфу, мерзость какая! Какая гниль!

— И не говорите, ваше сиятельство, чистая гниль! — преданно поддакнул из-под плаща Иван, пытаясь удержать равновесие. — Позвольте, я сапоги ваши парадные в угол поставлю, а то этот Крагин, чего доброго, и их с возу украдет...

— Молчи, дурак, не до тебя сейчас! — рявкнул Никита, проходя в залу.

Старый Николай Иванович встретил племянника в кресле. Он выслушал паническую тираду абсолютно спокойно, даже бровью не повел. Опытным глазом старый барин сразу заметил за спиной племянника Ивана, который со скорбным видом безупречно наказанного слуги пытался незаметно выстроить графский багаж по линейке.

— Ну так припугни его как следует, сожги его добро, захвати девок или его самого в заложники! Сынок, побойся бога, мне ли тебя, главу Тайной канцелярии, учить? — ровным, рассудительным голосом ответил дядя, мельком глянув на Ивана, который при слове «запороть» на всякий случай вжал голову в плечи. — Вспомни, сколько опасных предателей и государственных изменников ты уже переловил. Со всеми делами справлялся успешно и чисто. Ты ведь проделал просто титаническую, огромную работу! Сам подумай: ты по крупницам собрал железные доказательства. Теперь четко видно, что Догодькин — соучастник заговора Циклера и главный подстрекатель кровавого стрелецкого бунта. Все неопровержимые улики у тебя на руках. Не паникуй, Никита. Тебе осталось сделать всего один шаг до раскрытия карт перед самим государем Петром. Час страшной расплаты для этих мерзавцев близок как никогда.

Никита немного остыл, слушая уверенный голос дяди. В зале повисла суровая, заговорщическая тишина, достойная великих государственных переворотов. И в этой звенящей тишине сзади раздался робкий, приглушенный голос Ивана:

— Извиняйте, Николай Иванович... А чаю с тремя ложками сахара для его сиятельства у вас не найдется? А то у него от этих изменников опять, кажись, нервический тракт разыгрался...

Никита медленно повернулся к слуге, чувствуя, как суровый пафос момента стремительно рушится. Дядя Николай Иванович не выдержал и тихо, хрипло рассмеялся в свои густые усы.

Никита, совершенно не замечая причитаний Ивана, продолжил:

— Клянусь прахом матери, я собственноручно казню этого подонка! — бешено прорычал он, и в глазах его снова вспыхнуло то самое багровое пламя. — Ты даже не представляешь, дядя, как у меня чешутся руки вцепиться ему в глотку. Я дышать, я жить спокойно на этом свете не смогу, пока до конца не поквитаяюсь со всей этой сворой подлых, притворных лицемеров!

Иван, который в этот момент как раз пытался боком просочиться мимо графа с подносом, от этого рыка испуганно подпрыгнул. Три ложки сахара в чашке звякнули так громко, словно призывали к оружию. Не смея дышать, слуга застыл памятником самому себе, намертво

вцепившись пальцами в края подноса и молясь всем святым, чтобы графская глотка, в которую Никита грозился вцепиться, случайно не оказалась его собственной.

— Потерпи, Никита, и возьми себя наконец в руки, — мягко, но веско произнес Николай Иванович, накрыв своей широкой ладонью дрожащее колено племянника. — Порой нам, грешным, хочется получить всё и сразу, быстрее положенного Господом срока. Но, прежде чем рубить сгоряча и ломать дрова, лучше всё трижды обдумать, взвесить и бить уже наверняка. Без промаха.

Молодой человек бессильно опустил в глубокое кожаное кресло. Он прикрыл ладонью глаза и крепко задумался. В голове, сменяя друг друга, замелькали холодные, расчетливые мысли.

«А ведь может быть... Действительно, граф, ты слишком спешешь», — мысленно согласился он сам с собой.

Пользуясь тем, что хозяин зажмурился, Иван на цыпочках, с грацией испуганного медведя, подкрался к столику. Он с величайшими предосторожностями опустил чашку, бережно расправил салфеточку и так же беззвучно попятился назад, преданно карауля у дверей.

— Да, дядя, твоя правда. Ты совершенно прав, — Никита медленно убрал руку от лица.

На его губах скользнула недобрая, зловещая ухмылка хищника, который нащупал слабое место своей жертвы. Взгляд парня вновь стал острым и ясным.

— Мне незачем отчаиваться и опускать руки. В конце концов, в запугивании и выбивании правды я на Москве первый мастер. Разве не для этого государь доверил мне Тайный приказ? Ты совершенно прав... Крагин от меня никуда не денется.

Услышав про «первого мастера в запугивании», Иван у двери по привычке согласно и горько кивнул, безмолвно подтверждая: уж он-то, Иван, в этом вопросе эксперт и авторитетно заявляет — барин пугать умеет до икоты.

Николай Иванович удовлетворенно кивнул, видя, как племянник возвращает себе былое самообладание. Старик переменял тему, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— Ну а с тайным делом царевича Алексея Петровича как нынче продвигаются дела? Государь ведь ждет отчетов, тучи над сыном его сгущаются.

— Ох, дядя, там всё завязано в такой тугой узел — черт ногу сломит, — помрачнел Никита, устало потирая виски. — Мои верные люди из канцелярии денно и ночью следят и за самим царевичем, и за каждым из его трусливых приспешников. Вынюхивают, с кем шепчутся, какие письма в заграничные земли шлют. Скоро и там нарыв вскроется.

Молодой человек наконец окончательно расслабился, глубже откинувшись на спинку кресла. Его рука на автомате потянулась к столу, нащупала теплую чашку чая и сделала глоток. Приторная сладость мгновенно ударила по рецепторам. Никита даже не глянул в сторону двери, но уголками губ едва заметно дернул — этот несносный дурак всё-таки угадал с сахаром.

Безумный гнев, терзавший его душу последний час, понемногу утихал. Он отползал назад, уступая место привычному, ледяному спокойствию и трезвому, математическому расчёту. Настоящий глава Тайной канцелярии вернулся.

— Мальчик мой, — Николай Иванович тепло и с некоторой грустью посмотрел на племянника. — Мы с супругой моей, теткой твоей, всё же надеемся и молим Бога... Мы верим, что, когда вся эта страшная месть кончится и ты свершишь свой суд, ты наконец остепенишься. Сбросишь этот тяжелый мундир и станешь хорошим, добрым семьянином. Моя милая жена уже вовсю, со всем усердием присматривает для тебя достойную, благочестивую партию среди лучших дворянских фамилий.

На бледном лице племянника снова промелькнула горькая, полная иронии усмешка. Он покачал головой.

— Моя добрая, святая тетушка никак не успокоится, всё хлопочет, — тихо отозвался Никита. — Дядя, помилуй, я сейчас даже не знаю, что со мной будет завтра, на каком эшафоте я окажусь. О женитьбе и семейном уюте я и думать не смел. Кажется мне... Кажется, я напрочь разучился любить, прощать и доверять людям. Всё это умерло во мне в ту самую проклятую ночь, под лестницей, в луже чужой крови.

В комнате мгновенно повисло тяжелое, давящее молчание. Словно тени прошлого снова заскользили по углам кабинета. Иван, всё это время скромно подпиравший косяк у двери, при слове «под лестницей» невольно вздрогнул и бросил на барина взгляд, полный такой искренней, собачьей преданности и сочувствия, что Николай Иванович это заметил. Старик понимающе прикрыл глаза — он знал, что пока этот простодушный малый рядом с Никитой, молодой граф не одинок в своей тьме.

Николай Иванович тяжело, со стоном вздохнул. Ему было невыносимо видеть эту вечную, незаживающую рану в душе парня, которого он вырастил. Старик решительно поднялся со своего места и громко хлопнул в ладоши, разгоняя морок.

— Полно тебе, Никитушка, бередить старое на пустой желудок. Пойдем-ка лучше в столовую, откушаем горячего чаю с дороги. Катерина с утра у печи стояла, напекла пышных пирожков с мясом да капустой — как раз таких, какие ты с самого детства любишь. Она ведь каждый день тебя у окна поджидает, все глаза проглядела.

При слове «пирожки» трагическая мина на лице Ивана мгновенно испарилась, сменившись выражением живейшего гастрономического интереса. Ноздри слуги трепетно задвигались, улавливая долетавший из дальнего крыла дома тонкий аромат запеченного теста. Иван преданно переступил с ноги на ногу, всем своим видом показывая, что ради пирожков тетушки он готов сопровождать барина хоть на самый страшный эшафот, лишь бы по дороге покормили.

Никита поднялся вслед за дядей. Заметив, как у Ивана при упоминании еды махом прояснел лик, он коротко хмыкнул. Напряжение в его плечах наконец окончательно растаяло, а взгляд потеплел.

— Твоя правда, дядя. Пойдем, — искренне улыбнулся он. — Я, признаться, безумно соскучился по её пирогам и домашнему теплу. А ты, чучело, — Никита обернулся к Ивану и слегка щелкнул его пальцем по лбу, — марш на кухню, помоги Катерине Андреевне у печи. И смотри мне, половину пирогов по дороге не растащи под кафтан!

— Да как можно, ваше сиятельство! — оскорбился в лучших чувствах Иван, хотя в глазах его уже плясали задорные чертики. — Я исключительно ради помощи старшим! Ради общего блага!

Он первым, почтительно пригнувшись, выскочил из кабинета, чтобы указать господам дорогу к столовой, хотя дорогу эту и без него все знали наизусть.

На просторной, пахнувшей сушеными травами и топленным маслом кухне всю кипела работа. Катерина Андреевна — добродушная старушка шестидесяти лет, со светлыми, несмотря на возраст, глазами — без устали хлопотала у жаркой печи. Едва лишь завидев в окно знакомую дорожную повозку своего любимого воспитанника, она всплеснула руками и с утроенной силой принялась за стряпню. Ей хотелось встретить Никитушку так, чтобы стол ломился от его любимых яств.

— Здравствуй, милая моя! Голубушка! — Никита с порога расплылся в широкой, искренней улыбке. Он широко раскинул руки для объятий. В этот миг с его лица полностью сошла суровость грозного следователя.

Старушка торопливо обернулась, вытирая руки о фартук. Ее бледное, покрытое сеточкой мелких морщин лицо вмиг засияло такой неподдельной добротой и нежностью, что она

словно помолодела лет на тридцать. Катерина Андреевна проворно, по-девичьи легко бросилась навстречу молодому человеку и крепко прижала его к своей груди.

— Бессовестный ты, Никитушка! Совсем позабыл свою старушку! — шутливо, но с глубокой обидой в голосе обронила она, а по ее щекам покатались крупные слезы чистой радости. — Эко посмотри на него: вымахал с косую сажень в плечах, важным барином стал, а носа к нам и глаз не кажешь!

— Ну полно, полно, не плачь, моя хорошая, — ласково прошептал Никита, целуя ее натруженные, пахнущие мукой руки. — Кормилица ты моя. Ты же прекрасно знаешь, что всегда занимаешь самое почетное, самое теплое место в моем израненном сердце.

— Ах, хулиган! Языком-то как чешет, соловей! Но полноте тебе зубы мне заговаривать да слух мой ублажать, — Катерина Андреевна легонько ладошкой шлепнула его по плечу и ласково заворчала: — Вот садись живо к столу, специально для тебя, окаянный ты мой, у печи полночи спину гнула!

В ту же секунду перед мужчинами на дубовом столе, покрытом белоснежной скатертью, появилась огромная, дышащая жаром гора только что испеченных пирогов. Причем водрузил это монументальное блюдо на стол не кто иной, как Иван. Слуга уже успел где-то раздобыть холщовый передник, повязал его поверх кафтана и теперь сиял, как начищенный медный таз, чувствуя себя полноправным хозяином положения.

— Горячие, ваше сиятельство! Осторожнее, не обожгитесь, кормилец! — засуетился он, угодливо дую на корочку верхнего пирога. — Мы с Катериной Андреевной румянец лично караулили! Чуть не упустили, но я вовремя угли поворошил!

Катерина Андреевна добродушно махнула на него полотенцем:

— И то правда, помощничек у тебя, Никитушка, разбитной. Прибежал, заслонку схватил, чуть нос себе не опалил, зато похвалить себя не забыл! Но парень исполнительный, сердобольный.

Иван скромно опустил глазки, сквозь кухонный угар бросая на барина победоносный взгляд. Мол, глядите, я и тут незаменим, меня и тут похвалили.

Корочка на пирогах была глянцево-золотистой, смазанной маслом. По уютной кухне тут же разлился такой умопомрачительный аромат спелой капусты, сочного мяса и печеного теста, что у Никиты и его дяди мгновенно и неистово разыгрался волчий аппетит.

— Боже мой, ну и запах! Катерина Андреевна, ты точно знаешь, как меня соблазнить и растопить мое сердце! — восхищенно заметил воспитанник. Он с мальчишеским задором придвинул тяжелый деревянный стул поближе к столу.

Старая нянюшка довольно заулыбалась, глядя на его аппетит. Словно по волшебству, рядом с исходящим паром блюдом на столе бесшумно появились две массивные глиняные кружки, до краев наполненные крепким, обжигающе горячим сбитнем с медом и пряностями. Третью кружку, чуть поменьше и попроще, Иван с молчаливого кивка доброй старушки уже пристроил себе на краю кухонного ларя, вместе со скромным, сиротливым пирожком с капустой.

Никита перевел взгляд со своего ломящегося стола на пристроившегося в углу слугу, который уже примерялся, как бы половчее откусить от пирога, чтобы не потекло по подбородку.

— Ладно уж, садись к столу, стратегический ты наш помощник, — с притворной строгостью вздохнул граф, качая головой. — А то у тебя от ароматов сейчас обморок случится, кто мне тогда сапоги в дорогу собирать будет?

— Премного благодарны, Никита Николаевич! Дай вам Бог здоровья и невесту богатую! — обрадовался Иван. Он мигом скинул кухонный фартук и, не заставляя просить себя дважды,

примостился на краешек соседней скамьи, деликатно, но чрезвычайно шустро потянувшись к мясному пирогу.

— Ну вот скажи мне, Христа ради, кто тебе там, в имении, готовит? — Катерина Андреевна всплеснула руками и укоризненно покачала головой, выразительно зыркнув в сторону притихшего у двери Ивана. — Иван твой? Так он еще юнец совсем, недотёпа, у него же руки не из того места растут! Слыхала я, Никитушка, что он тебя намедни подгоревшей кашей потчевал. Это же надо додуматься — крупу углями сделать! Грех-то какой! Как вы там вообще питаетесь, святым духом, что ли? Говорила же я Николаю Ивановичу: отправь меня вместе с Никитушкой! А он всё своё твердит: «Нечего тебе там делать, Катерина, в сырости этой кости гноить».

Иван при этих словах скорбно вздохнул и преданно прижал руку к сердцу, безмолвно признавая свою кулинарную вину, но на всякий случай поближе придвинул к себе кружку со сбитнем — пока суровая нянюшка в сердцах её не отобрала.

— Не сердись, голубушка, дядя дело говорит, — ласково успокаивал кормилицу Никита. Он с аппетитным хрустом уплетал уже третий пышный пирожок, довольно зажмуриваясь от удовольствия. — Я ведь действительно постоянно в разъездах, на службе государевой. Дома почти не появляюсь. Ты там, в каменной Москве, без огорода и привычного общения совсем со скуки зачахнешь. А я тут, на допросах, только и буду сидеть да переживать за твое здоровье. Да и Ванька мой, справедливости ради, хоть повар и никудышный, зато сапоги чистит отменно — комары от зависти мрут. Так что не пропадем!

Услышав похвалу про сапоги, Иван мгновенно приосанился, гордо расправил плечи и закивал Катерине Андреевне с таким важным видом, будто его только что назначили главным сапожным мастером при императорском дворе.

— Ну полноте тебе мне сказки баить да зубы заговаривать! — уже куда более радостно отмахнулась старушка, окончательно сменив гнев на милость. Было видно, что ей до слез приятна такая забота. Она присела на краешек лавки и с бесконечной, чисто материнской нежностью принялась поглядывать на своего любимого воспитанника, подливая ему в кружку горячий, ароматный сбитень. Даже на Ивана она посмотрела уже без прежней укоризны, незаметно пододвинув к его краю стола еще один пирожок — покрупнее да посочнее.

На кухне воцарился долгожданный покой и мирный уют.

А в это же самое время, когда над округой сгущались плотные вечерние сумерки, к парадным воротам загородного поместья графа Кречетова тяжело подъезжали два всадника. Лошади под ними устало фыркали, перебирая копытами по раскисшей дороге.

— Вот скажи мне, друг любезный, ну за какие такие грехи нам это наказание? — уныло и жалобно затянул свою привычную песню Кирилл — верный боевой товарищ Никиты и офицер его полка. Он то и дело протирал кулаками слипавшиеся от дикой усталости глаза. — Мы ведь только-только из тяжелейшего похода вернулись! Кони едва копыта волочат. А нашему грозному командиру всё не сидится на месте — едва приехали, сразу к себе вызвал! Я, считай, только-только успел щей горячих похлебать да на перину прилечь! Даже дух перевести не дал, изверг! Я в этой проклятой кампании, кажись, килограмм сто потерял, кожа да кости остались! Сил никаких нет, ноги в стремях не держатся... И вот опять изволь в ночь скакать!

Кирилл недовольно поправил на плечах походный кафтан и покосился на своего молчаливого спутника, надеясь хоть на каплю сочувствия.

— Милый друг, как по мне, так тебе бы еще пуда два скинуть не мешало, — с улыбкой заметил Максим.

— Ты хочешь сказать, что я толстый? — обиделся Кирилл.

Максим вздохнул:

— Я хочу сказать, что ты... излишне дородный.

— И ничего я не толстый! У меня отличное здоровье и аппетит. Ну, одышка иногда мучает, так это мелочи, — ворчал молодой человек себе под нос. — А девушкам я всё равно нравлюсь!

Максим снова лишь тяжело вздохнул. Переубедить друга было невозможно: на любые разговоры о своей полноте тот смертельно обижался.

— Толстый... Ишь, заладили! Не толстый я, а в меру упитанный. Даже поесть нормально не дают, не то, что отдохнуть! И чего Никиту вечно черти носят? Дела у него, дела... А отдыхать-то когда? Ты меня слышишь вообще? Когда мы отдыхать будем? — обиженно повторил Кирилл. — Вечно ты меня не слушаешь!

Максим закатил глаза. Ему уже порядком надоело это заунывное монотонное брюзжание.

— Слышу! — раздраженно буркнул он.

— А чего ты орешь-то на меня? Я просто спросил. Даже ответить по-человечески не можешь, никакого уважения к товарищу!

— Приехали! — оборвал его Максим. — Знаешь, я смертельно устал от твоей болтовни. Занимай теперь уши хозяина, а я хоть немного передохну.

Кирилл натянул поводья и озадаченно посмотрел на попутчика:

— Болтовни?! Да я и слова за всю дорогу не проронил! Вот вечно на меня наговаривают! Мало того что не слушают, так еще и болтуном обозвали! К стати напомни Никите что мы еще не ужинали, а я на голодный желудок спать не могу!

Максим обреченно и тяжело кивнул головой. Он и сам жутко, до ломоты в костях устал. Но вовсе не от бешеной дорожной скачки. Его вконец вымотало это тихое, нудное и монотонное брюзжание друга, которое не смолкало всю дорогу.

Он искренне не понимал, за какие грехи ему в напарники выпал именно этот добродушный человек. Нет, Кирилл, безусловно, был парнем отличным. Настоящий боевой товарищ! Как говорят в народе, душа на распахку — смелый, отчаянный в бою и всегда отзывчивый. Но стоило делу коснуться еды, пустых щей или пропущенного обеда, как Кирилл превращался в нечто невообразимое. Из грозного офицера он вмиг становился капризным дитятей, готовым оплакивать каждый упущенный кусок пирога.

— Полно тебе выть, как волк на луну, — не выдержал Максим. Он поглубже натянул треуголку, спасаясь от вечерней сырости. — Доедем — и граф тебя накормит. Если, конечно, мы не опоздали, и Крагин еще не успел надеть глупостей. У Никиты повар, может, и криворукый, но ради гостей граф велит из погреба и окорок достать, и наливку.

При упоминании окорока и наливки Кирилл блаженно зажмурился. В его измученном походами воображении уже рисовали библейских масштабов картины: запеченная кабанья нога, дымящийся каравай, бочки медовухи и лично граф Кречетов, радушно распахивающий двери своей усадьбы со словами: «Ох, заждался я вас, соколы мои, садитесь откусать!» Кирилл даже незаметно сглотнул набежавшую слюну и прищипорил коня, мысленно уже держа в руке вилку.

Всадники миновали массивные кованые ворота и осадили взмыленных коней у самого крыльца усадьбы Кречетова.

Реальность встретила их оглушительным, гробовым молчанием. Никакого запаха запеченного мяса в воздухе не разливалось. Напротив, от усадьбы веяло холодной пустотой брошенного гнезда. За крыльцом никто не суетился, конюхи не бежали принимать лошадей, а парадная дверь была наглухо заперта.

Кирилл замер в седле, и выражение лица его стремительно сменилось с предвкушающего на глубоко трагическое. Мечты о кабаньей ноге растаяли в сыром вечернем тумане.

— Опоздали... — замогильным голосом прошептал он, глядя на закрытые ставни. — Никакого окорока. Никакой наливки. Макс, он уехал! Наш изверг-командир бросил нас на растерзание голодной смерти! Я так и знал, так и знал... Кожа да кости останутся, помани мое слово!

— Да уймись ты, ненасытная твоя душа, — оборвал его Максим, соскакивая на землю и внимательно осматривая фасад дома. — Вглядись-ка.

В окнах кабинета, где совсем недавно бушевал Никита, зловеще и тревожно горел тусклый свет одинокой свечи. Видимо, уезжая в спешке, граф или испуганный Иван просто забыли её погасить.

Максим решительно толкнул плечом незапертую боковую дверь для прислуги, и офицеры вошли в гулкий, погруженный в темноту дом.

Поднявшись в кабинет графа, Кирилл первым делом бросился к столу, на котором сиротливо догорала свеча. Его взгляд, полный отчаянной надежды, упал на оставленную Иваном серебряную чашку. Он схватил её, заглянул внутрь и скорбно вздохнул: чай давно остыл, а на дне сиротливо поблескивали остатки нерастворившегося сахара.

— Ну вот, полюбуйся, Макс! — Кирилл сунул чашку под нос товарищу с таким видом, будто демонстрировал главную улику государственного заговора. — Сам умотал, слугу увёл, а верным офицерам оставил холодную воду с сахаром! Это же чистой воды издевательство над армией!

— Скажи спасибо, что этот «недотёпа» Иван вообще чашку на серебре оставил, а не увёз с собой, — хмыкнул Максим. Он уже успел скинуть мокрый плащ, разжечь в камине остывшие угли и теперь устраивался на широком кожаном диване, положив под голову седло. — Ложись спать, Кирилл. Граф, судя по следам кареты у ворот, уехал к дяде Богданову. Ночью мы туда не сунемся. Вернется на рассвете сам.

— Спать? На пустой желудок?! — Кирилл зашагал по кабинету, оскорбленный в лучших чувствах. — Да у меня в животе сейчас такое урчание стоит, что нас из засады за версту услышат! Ладно, Тайная канцелярия своих не бросает, Тайная канцелярия берет снабжение в свои руки.

С этими словами он решительно покинул кабинет и отправился мародерствовать на графскую кухню. Вернулся он минут через десять, торжественно неся в руках половину черствой ковриги ржаного хлеба, сморщенную луковицу и кусок серого заветренного сала, который Иван в панике, видимо, обронил под стол.

— Вот оно, величие империи, — ворчал Кирилл, усаживаясь на ковер прямо возле разгорающегося камина и с усердием отпиливая ножом кусок хлеба. — Офицеры гвардии, герои Полтавы, гроза изменников... сидят в темноте и жуют лук, как последние беспорочные крестьяне. А Никитка сейчас у дяди небось стерлядь пареную откушивает да наливкой запивает! Сколько его знаю, а аппетит у него всегда был барский...

Максим, уже закрывший глаза, лишь тихо и устало рассмеялся:

— Жуй молча, «в меру упитанный». И свечу задуй, а то до утра не дотянет.

Кирилл недовольно буркнул что-то про отсутствие сострадания у мыслящих людей, отправил в рот последний кусок лука и шумно улегся прямо на ковре у огня, завернувшись в походный плащ.

Вскоре усадьбу Кречетова окутала сонная, глубокая тишина, нарушаемая лишь уютным потрескиванием дров в камине да мерным, сытым сопением Кирилла. Офицеры спали, готовые по первому стуку копыт встретить своего сурового командира.

Глава 2

— Ах, Петр Николаевич, я от этого проклятого Богданова еле ноги унес! — Семен Иванович тяжело, со свистом дышал, сдернув с головы взмокшую от пота соболью шапку. Он то и дело в ужасе оглядывался на тяжелую дубовую дверь, словно ждал, что сыщики Тайной канцелярии уже ломаются в дом с топорами. — Стал выпытывать, как дела в волости, да куда я ездил прошлой осенью, да с кем в Москве znalся. Меня, честного и преданного подданного, в свои шпионские сети заманить хотел, ирод! Подливал вина, заглядывал в глаза, точно бес. Но я ни в какую, зубы сцепил, прикинулся дурачком хмельным. Как только получилось улизнуть, пока он отвлекся на челядь, так сразу к вам, сломя голову, коня чуть не загнал! Животина на дворе сейчас на боку лежит, пена с морды идет!

— Говорил он прямо, что знает про наш заговор? — нахмурился хозяин дома, Петр Николаевич Догодькин. Он резким, нервным движением пальцев погасил горящую на столе сальную свечу, чтобы с темной, глухой улицы сквозь слюдяное оконце ни в коем случае не было видно их лиц. Комната погрузилась в зловещий полумрак, освещаемый лишь багровыми углями из печи.

— Нет, бог миловал! — Семен Иванович судорожно перекрестился на темный угол с иконами. — Они ведь с гвардейским полком только-только из шведского похода вернулись, пыль дорожную не стряхнули. Какое этому щенку дело до царевича Алексея Петровича? Он и не смыслит в таких верхах ничего, ему лишь бы шпорами звенеть да перед государем выслуживаться! Слухи, чай, проверяет, не более.

— Все-таки мне всё это сильно не нравится. «Нужно быть в сто крат осторожнее», — задумчиво протянул Петр Николаевич. Перепонки его пальцев, испачканные в черной саже от фитиля, дрожали. Он принялся мерять нервными шагами тесную комнату, заложив руки за спину и то и дело наступая на скрипучие половицы. — Этот незаконнорожденный ублюдок Богданов спит и видит, как бы повыше выслужиться перед Преображенским приказом. Сам страшный князь-кесарь Ромодановский его, сукиного сына, выкормил, из грязи поднял и сыскному делу обучил! У него же нюх, как у легавой, он крамолу за версту чувствует. Он нам всё великое дело погубить может в один миг, всю нашу надежду на избавление от петровского антихристового ига.

— Да неужто догадался? — Семен Иванович аж присел на лавку, хватаясь за сердце. — Мы ведь шифром писали...

— Проклятый твой шифр! — зло зашипел Догодькин, остановившись прямо перед приятелем. — Если в Тайной канцелярии узнают хотя бы про одно наше тайное письмо к царевичу в Вену, если цесаревы люди Ромодановскому бумагу перехватят — быть нам всем на дыбе у палача. Костей потом не соберем! В застенках заживо сгноят, а головы наши на колья вдоль набережной выстроят

— Вы правы! Совершенно, абсолютно правы, благодетель вы мой! — судорожно закивал Семен Иванович Крагин, заглядывая в глаза собеседнику и изо всех сил пытаясь заслужить одобрение своего будущего влиятельного и богатого родственника. От страха и угодничества он даже согнулся в пояснице, комкая в руках дорогую шапку. — К слову, Петр Николаевич, раз уж зашла речь о семье... В такое лихолетье только на близких и уповать. Когда мы наших молодых-то наконец обвенчаем? Свадебку бы справить, да в деревню уехать от греха подальше!

— Скоро, Семен Иванович, в самом ближайшем будущем. Потерпи ты, ради Христа! Не до венчания сейчас, когда у нас обоих голова на плахе мотается! — злобно огрызнулся Догодькин, резко повернувшись к нему. — Ты о девке думаешь, когда палач уже топоры точит?

— Да помилуйте, Петр Николаевич, моя Катенька по вашему Ильюшеньке уже все глаза проглядела, у слюдяного окна с утра до ночи сидючи, слезы в платок прячет! — плаксиво запричитал Крагин, всплеснув руками. — Когда уже жених законный ее навестит, слово ласковое скажет? Нынче ведь времена новые, царь-государь по немецкому образу ассамблеи ввел, девицам дома запертыми сидеть в темных теремах не след, им воля нужна, общение! А Илья Петрович к невесте и носа своего не кажет, будто брезгует!

— Полно тебе беспокоиться и пустое молоть, славный будет брак, свяжем роды, будут они счастливы, — нетерпеливо отмахнулся хозяин дома, морщась от плаксивого тона гостя. — Сейчас у нас самая большая, черная забота — этот выскочка Богданов. Не подпортил бы он нам все планы перед государем Петром Алексеевичем. Этот глупый щенок, конечно, дальше своего носа не видит, умишком слаб супротив нас, но под ногами путается знатно, а за ним — сила приказа. Нужно как-то срочно, отвести от себя любые подозрения царских сыщиков. Если он завтра к полудню не уймется, придется действовать круто.

— И что же делать-то? О господи, грехи наши тяжкие... — испуганно, едва слышно прошептал Семен Иванович, бледнея от страха так, что в полумраке его лицо стало похоже на погребальный саван. Он судорожно сглотнул. — Убить его, что ли, задумали? Так Ромодановский за своего любимчика всю Москву на дыбу поднимет!

— Молчи, дурак, не каркай! — цыкнул на него Догодькин, больно схватив Крагина за плечо. — Тебе — сидеть тихо. Веди себя как обычно.

-Это как же?-недоуменно переспросил собеседник.

— Да, как всегда, ты делаешь! Ешь до отвала, пей допьяна, веселись напропалую! — с нажимом повторил Догодькин, и в его голосе проскользнула злая усмешка. — Устройте поскорее у себя в доме ассамблею по новому царскому указу. Позовите побольше знатных гостей, купцов богатых, офицеров гарнизонных, музыку созовите немецкую, танцуйте до упаду! Пейте прилюдно огромными кубками Большого орла за здоровье государя Петра Алексеевича, чтоб из ушей лилось! Пусть все кругом, а пуще всего шпионы Богданова, думают, что ты — самый верный, преданный слуга царя, готовый за него душу отдать, а не заговорщик.

Семен Иванович на секунду задумался. Страх, еще минуту назад сковывавший его тело, начал понемногу отпускать. Он принялся неторопливо поглаживать свою наспех бритую по строгому немецкому указу бороду, кожа на которой до сих пор зудела и шелушилась с непривычки. Мысль о пышном пире, шуме и дорогом вине пришла к нему по душе, и бледное, испитое лицо его заметно повеселело, а в глазах блеснул привычный огонек купеческого тщеславия:

— А что? Это дело! Это можно! — Крагин довольно крикнул, расправив плечи, и потер пухлые ладони, на которых поблескивали тяжелые перстни. — На это у меня в подвалах отменное иноземное вино припасено. Французское! Из самого Парижа, купцы с Рижского подворья везли, божились, что сам король ихний такое пьет! Уж мы такую комедию разыграем, Петр Николаевич, что сам государь бы поверил!

— Ну вот и ладно. Возвращайся к себе домой, сними здешнее платье, обрядись в кафтан немецкий и отдыхай, — Догодькин холодно, высокомерно кивнул, давая понять, что ночной разговор окончен и задерживать гостя он более не намерен. — Я тем временем всё разузнаю через своих верных людей в канцелярии. Выясню, что при дворе государевом в Москве происходит, какие вести из Петербурга пришли и для чего этот выскочка Богданов в наши края сунулся... Не к добру всё это, ох не к добру. Псы Ромодановского просто так лапами не машут.

Петр Николаевич пристально, сквозь прищур, посмотрел на своего собеседника, пока тот судорожно натягивал шапку и застегивал пуговицы. Хозяин дома пытался интуитивно уловить по лицу, по малейшему движению губ или дрожанию век: не скрывает ли тот чего? Не

замышляет ли подлость за его спиной, не носит ли в кармане строченый донос? Но этот трусливый дурень полностью ему доверял. Семен Иванович был целиком в его безраздельной власти, связанный общим грехом и страхом плахи. Он просто физически не мог послушаться или поступить опрометчиво.

У Догодькина уже давно и нестерпимо чесались руки отправить этого никчемного, болтливового сподвижника в мир иной — подстроить ли несчастный случай на охоте, подсыпать ли в кубок заморского зелья. Лишний свидетель в таком деле — лишняя петля на шее, а Крагин был слишком слаб духом. Но этот хитрый старый лис, как будто подсознательно чуял смертельный подвох, исходивший от ледяного тона Петра Николаевича. Он изо всех сил пытался быть полезным, заглядывал в рот и предугадывал каждое желание хозяина, лишь бы доказать свою преданность.

Со своей стороны, Крагин, конечно, умалчивал о главном. Он уже пытался осторожно выслужиться и перед грозным Богдановым из Тайной канцелярии — намекнул тому третьего дня на сомнительные знакомства Догодькина, но так, чтобы и себя не подставить. Надеялся, иуда, усидеть на двух стульях! Ему самому уже до смерти хотелось поскорее покончить со всеми этими опасными партнерскими отношениями, бросить заговоры, проклятые письма к царевичу Алексею и уехать с концами подальше из сырой, пугающей, пропахшей порохом и сыском столицы в тихое, глухое дальнее имение под суздальским небом, где никакая Тайная канцелярия его бы не достала.

— Ступай, Семен Иванович. И помни: язык за зубами держи, даже когда пьян будешь, — тихо добавил Догодькин, провожая его к выходу. — Завтра на ассамблее я пришлю к тебе Илью. Пусть на Катеньку твою посмотрит, да и за гостями приглядит.

Крагин поклонился в пояс.

— Поеду я, пожалуй, Петр Николаевич, — спохватился Семен Иванович, судорожно поправляя полы чуждого, узкого немецкого кафтана, который больно врезался ему в подмышки. — Женщины мои, матушка с дочкой, должны вот-вот со старой московской дороги приехать. Кони у них уставшие, темнота на дворе глаз выколи, лихие люди по лесам шалют. Нехорошо будет, если меня дома не окажется, перепугаются бабы.

— Ступай, ступай, — уже совершенно нетерпеливо и с трудом скрывая брезгливость, промолвил хозяин дома, буквально выпроваживая гостя руками до самых дверей. Напоследок он крепко, до хруста сжал плечо Крагина. — О бабах думай, но про ассамблею не забудь. Завтра к вечеру у тебя весь город должен петь и плясать. Да за вином своим французским следи, чтоб гостям языки развязало, а тебе — связало.

— Всё исполню, Петр Николаевич, как бог свят, всё сделаю! — зашептал Крагин, пятась к выходу и низко кланяясь.

Догодькин захлопнул за ним тяжелую дубовую дверь и сразу же задвинул массивный железный засов. Звук упавшего железа эхом разнесся по пустому дому. Петр Николаевич припал ухом к замочной скважине, слушая, как удаляются торопливые шаги Семена Ивановича, как всхрапнул на дворе чужой загнанный конь, и как, наконец, скрипнула и закрылась садово-парковая калитка.

Оставшись в полном одиночестве, Догодькин тяжело вздохнул и повернулся к темной комнате. В багровом отсвете угасающих углей его лицо казалось высеченным из камня. Он подошел к столу, нащупал в темноте потайную пружину под столешницей и извлек из открывшегося ящика небольшую кожаную чернильницу, гусиное перо и свернутый в трубку лист плотной голландской бумаги — то самое недописанное письмо в Вену, за которое Тайная канцелярия безжалостно сдирала кожу.

— Бабы приедут, говоришь... — процедил он сквозь зубы, глядя на чистый край листа. — Трусливая ты тварь, Семен. Не доведет нас твоя дочка до добра. Слишком много ты знаешь,

и слишком слаб твой хребет. Придется, видно, Ильюшеньке моему стать вдовцом еще до венчания, если Богданов твой след почует.

Он обмакнул перо в чернила, но писать не стал. Чуть брезжащий рассвет уже начинал окрашивать слюдяное оконце в бледно-серый цвет, возвещая о наступлении нового, смертельно опасного дня.

В это же самое время по ухабистому, избитому колесами тракту резво катилась крытая дорожная карета, раскачиваясь на кожаных рессорах. Мать с дочерью возвращались от погостившей в дальнем подмосковном имении бабушки. Вокруг стояла глухая, черная ночь, под колесами хлупала весенняя грязь, но внутри экипажа царил свой, согретый теплом свечей мир.

У юной Катерины Семеновны было на редкость приподнятое, по-весеннему радостное настроение, несмотря на усталость от долгого пути. Что греха таить — добрая бабушка перед самым отъездом подарила ей замечательное, безумно дорогое кольцо из крупных заморских камней, привезенных купцами из самой Индии. Это украшение уже очень давно безумно нравилось девушке, она грезилась им наяву. Катенька то и дело приоткрывала бархатный футляр, любясь, как благородно и таинственно переливаются граненые бусины в тусклом, колеблющемся свете каретного фонаря.

Что-что, а покрасоваться перед подругами на светских раутах она любила больше жизни, и в свои девятнадцать лет уже прослыла первой модницей во всей округе. Её царственной, благородной манере держаться, гордой посадке головы и легкому шагу тайно и явно завидовали все светские соперницы, кусая губы от злости, а от знатных молодых людей, мечтавших вытанцевать с ней хотя бы один менуэт, буквально не было отбоя.

Катерина всегда выглядела великолепно, точно дорогая фарфоровая кукла, выписанная из Парижа. Её длинные, лоснящиеся, чёрные как вороново крыло волосы всегда были уложены волосок к волоску в сложную модную причёску, украшенную жемчужными нитями. Пышные, дорогие платья по новой немецкой моде, с тугими, стягивающими ребра корсетами и глубокими, смелыми вырезами-декольте, выгодно и соблазнительно подчеркивали её точёную, тонкую девичью фигуру. Девушка прекрасно знала силу своих чар и мимолетных взглядов. Она чувствовала себя желанной, упивалась этим и очень дорожила своей безупречной красотой, тратя часы перед зеркалом на притирания и белила.

Катенька была без ума от шумных светских ассамблей, введенных царем-преобразователем. Там, в сиянии сотен свечей, под звуки заграничных флейт и скрипок, она неизменно оказывалась в самом центре всеобщего внимания, ловя на себе восхищенные вздохи кавалеров. Острая на ум и на удивление образованная для своего сурового века Катерина умела легко поддержать любую сложную беседу о политике, заграничных нравах или новой поэзии. За колким словом в карман она никогда не лезла, умея изящно отбрыкнуть назойливого ухажера.

Девушка на отлично усвоила все лицемерные правила этой жестокой светской игры, где за улыбками прятали яд. Хотя в самой глубине её трепетной души, скрытой под жестким китовым усом корсета, всё же таилась робкая надежда: когда-нибудь сбросить эти тяжелые этикетные оковы, перестать притворяться и лгать. Ей хотелось стать открытой, искренней, жизнерадостной и просто по-настоящему свободной, любить без оглядки на чины.

Большие, радужные надежды на это чудесное преображение она возлагала на скорое, желанное замужество с Ильей Догодькиным.

— Посмотри, матушка, — Катерина приложила кольцо к шее, повернув лицо к сонной матери. — Каковы камни! На завтрашней ассамблее у батюшки я затмю саму губернаторшу! Ильюшенька с ума сойдет от радости, когда меня увидит.

Мать, пожилая купчиха, тяжело вздохнула и перекрестила темное окно кареты:

— Ох, Катя, лишь бы доехали благополучно. Сердце у меня не на месте, будто беда впереди ждёт...

Девушка как будто прослушала тревожные размышления матери продолжала ворковать:

— Мама, душенька, как же хорошо, что мы погостили у бабушки! — Катерина мечтательно вздохнула, прижимая к груди бархатный футляр с колье. — Она так обнадежила меня! Сказала, что Илюша обо мне непрестанно думает и тоже ждет встречи.

— Милая моя, не переживай ты так, не изводи сердце, — ласково улыбнулась Софья, погладив дочь по плечу. — Отец твой в самое ближайшее время договорится с Петром Николаевичем о вашей свадьбе. Вот увидишь, всё уладится как нельзя лучше.

— Скорее бы уже! — всплеснула руками Катенька, и в глазах её зажглись девичьи огоньки. — Мне просто не терпится всегда, каждую минуточку быть рядом с ним. Я так безумно по нему скучаю! Он ведь у меня такой замечательный: чуткий, добрый, отзывчивый... Илья всегда, с полуслова исполняет все мои самые глупые капризы!

— Девочка моя, — лицо матери вдруг помрачнело, а в голосе послышалась затаенная грусть. — Настоящий брак — это совсем другое дело, нежели праздные ухаживания да прогулки под луной...

— Мама, ну в чём же разница? — удивленно захлопала длинными ресницами девушка. — Мне кажется, быть всегда, всю жизнь с любимым человеком — это так здорово и легко!

— Жизнь в замужестве порой становится невыносимо скучной, — тихо, глядя в окно на проплывающий ночной лес, ответила Софья. — Со временем супруги могут примелькаться и до смерти надоест друг другу. А иногда... Иногда брак — это просто жестокая игра. Красивая ширма для отвода чужих глаз от темных и очень опасных дел...

— Со мной этого точно никогда не случится! У нас ведь настоящая, чистая любовь, мама! — горячо воскликнула Катерина, не желая верить в материнские страхи.

— Как знать, дочка, время покажет, — вздохнула женщина. — Понимаешь, в нашем мире всегда нужно быть настороже. Мужчины — народ хитрый, они любят манипулировать нами, слабыми. Мой тебе материнский совет: держи отныне ухо остро. Что со своим отцом, что с будущим мужем...

Договорить Софья не успела. Вдруг карета с диким, оглушительным скрипом тормозов резко, как вкопанная, остановилась посреди ночной дороги. Лошади испуганно и пронзительно заржали.

Мать с дочерью от сильнейшего толчка не удержались на скользких бархатных сиденьях. С громким криком они повалились на грязный пол кареты. Футляр с колье выскочил из рук Катеньки и отлетел в угол.

— Ах ты, господи! Да что же это такое?! Я сейчас покажу этому безголовому кучеру, этому невеже, как править! — раздраженно и гневно воскликнула Софья.

Пыхтя и поправляя сбившийся чепец, она стала подниматься на ноги, еще не зная, что дорогу им перегородили вовсе не дорожные ухабины.

Но стоило Софье раздраженно распахнуть лакированную дверцу кареты, как слова застряли у неё в горле. Женщина опешила, онемела от ужаса, упершись взглядом в тускло блеснувшее под луной, направленное прямо на неё дуло массивного пистолета.

Оглушительно, как удар грома, прозвучал выстрел. Пороховой дым мгновенно заполнил салон. Тяжелое тело матери безжизненно рухнуло назад, прямо на колени Катерины.

Девушка в смертельном ужасе закричала, истошно, дико, отчаянно замахав руками. Секунду назад живая, улыбающаяся, её дорогая, горячо любимая мама лежала мертвой, с остекленевшим взглядом у её ног. Кровь быстро заливала светлое шелковое платье. Захлебываясь слезами и собственными криками, Катерина забилась в безумной истерике. Из темноты к ней протянулись грубые руки в кожаных перчатках. С похитителями несчастная девушка боролась до самого последнего вдоха: кусалась, царапалась, срывала ногти. Но силы были слишком не равны. Её быстро и безжалостно обездвигили, стянули запястья жесткой веревкой, накинули на голову плотный мешок и стремительно увезли с места кровавого преступления.

Катерина очнулась от пронизывающего, могильного холода, который пробирал до самых костей. Голова раскалывалась от тупой боли. Она лежала в крайне неудобном, неестественном положении на грубой деревянной лежанке, наспех сбитой из гнилых досок. Вокруг царили злоеущий полумрак, удушливая вонь и липкая сырость каменного каземата. В вышине, за толстой решеткой, едва брезжил бледный свет.

Вдруг на своей груди, прямо поверх испачканного заграничного корсета, девушка почувствовала мерзкое, живое шевеление. Кожу обожгли царапающие лапки. Превозмогая боль, она приподняла голову и в полутьме увидела жирную, лоснящуюся серую крысу, которая нагло уставилась на неё своими бусинками-глазами.

От неописуемого омерзения, брезгливости и ужаса Катерина сорвалась на дикий, истощенный вопль:

— Помогите! Смилюйтесь! Выпустите меня отсюда! Кто-нибудь!

От собственной полной беспомощности, липкого лихорадочного страха и этого жуткого, холодного каменного склепа её била крупная, непрекращающаяся дрожь. Она в панике бросилась к выходу, до крови разбивая пальцы, трясла тяжелые железные решетки и продолжала кричать, срывая голос в пустоту.

В это время молодой стражник Иван в полной растерянности и глубоком унынии сидел на холодных каменных ступенях каземата. От этих полных нечеловеческого отчаяния и девичьих слез воплей ему было искренне, до глубины души не по себе. Он нервно перебирал пальцами связку тяжелых железных ключей, которые дребезжали в его руках, точно зубы курильщика на морозе.

«Ну вот, господи помилуй, докатились! — в страхе думал паренек, неистово крестясь под суконным кафтаном. — В застенках канцелярии теперь и благородных женщин держим! Живую душу губим. И что мне, грешному, делать? Жаль бедняжку, ох как жаль, аж сердце кровью обливается. Что же такое страшное сотворило это милое, хрупкое создание, раз перешло дорогу нашему лютному хозяину? Неужели у графа поднимется рука, и он осмелится попытать её на дыбе?» — от этих мыслей парня бросило в леденящий пот.

Чтобы хоть как-то заглушить этот душераздирающий визг, Иван зажал уши локтями и принялся вслух, по-детски комично причитать, путая от паники все церковные чины с государственными указами:

— Пресвятая заступница, спаси и пронеси мимо! Кабы я знал, что вместо караула у бочек с казенным вином меня к кричащим барышням приставят, я бы еще в Москве в монастырь сбежал! Ишь, надрывается, голубица... Да ежели капитан Богданов придет и заставит её допрашивать, я ж первый со страху во всем сознаюсь! И что у царя-батюшки табак из кисета воровал, и что бороду себе тайно обратно приклеивал! Господи, смилуйся, вели этой девке замолчать, а то у меня от её голоса кафтан на спине трещит и ключи из рук валятся! Батюшка Семен Иванович, ну и удружил ты дочке, заварил кашу, а расхлебывает теперь сиротиночка в корсете!

От подобных мыслей несчастного юношу даже передернуло, а по спине пробежал противный, леденящий холодок. Иван испуганно перекрестился на темный свод коридора, моля бога, чтобы стены не запомнили его малодушных дум.

— Господи помилуй, грех-то какой... Пойду лучше скажу барину, что эта несчастная пришла в себя, пока она там со страху с ума не сошла и богу душу не отдала, — пронеслось в голове у Ивана.

Он поспешно звякнул тяжелой связкой, проверяя, на месте ли ключи от каземата, и с этими тревожными мыслями торопливо поднялся по крутой, склизкой каменной лестнице, ведущей из сырого подземелья. Стараясь не слушать продолжавшиеся за спиной надрывные девичьи крики, слуга направился напрямик в кабинет господина. Ему до смерти хотелось

поскорее передать эту обузу кому-нибудь повыше чином, лишь бы самому не отвечать за слезы благородной барышни.

А в кабинете в это время разыгрывалась бурная, полная яростного напряжения сцена. Никита, бледный от глухой досады и сдерживаемого гнева, мерил комнату быстрыми, размашистыми шагами, расхаживая из угла в угол. Тяжелые дубовые половицы жалобно скрипели под его начищенными немецкими сапогами, пока Максим, стоя у окна и нервно комкая в руках перчатку, в деталях описывал кровавую картину ночного похищения на тракте.

В это же самое время Кирилл, совершенно развалившись в глубоком барском кресле и бесцеремонно вытянув уставшие в седле ноги прямо к пылающему камину, с упоением доедал сочную, жирную куриную ножку, стащенную с господского стола. Он с огромным удовольствием облизывал измазанные в жиру пальцы, причмокивал и смаковал каждый кусочек с таким безмятежным видом, словно находился на веселом царском пиру в Лефортово, а не в логове грозных сыщиков Преображенского приказа. Его сейчас совершенно не занимала серьезная, мрачная болтовня друзей. Единственным, самым искренним и самым главным желанием Кирилла после недели тяжелого шведского похода было до конца утолить свой поистине волчий голод.

Он с явной неохотой и досадой отвлекся от своего приятного занятия лишь тогда, когда в кабинете повисла зловещая, звенящая тишина. Рассказ Максима оборвался на полуслове. Друзья одновременно обернулись и уставились на жующего Кирилла с немой, тяжелым укором, способным смутить любого, но только не этого голодного гвардейца.

— Что вы так вылупились, господа? — чавкнув напоследок, невинно протянул Кирилл и потянулся за вторым крылышком. — Будто покойника увидели. На пустой-то желудок крамолу искать — гиблое дело, государю от худого сыщика никакой пользы! — буркнул Кирилл, недовольно вытирая засаленный рот широким рукавом кафтана. — Даже поесть человеку покойно не дадите! Вот так всегда у вас — чуть что не, по-вашему, сразу я крайний! Сами же голодом морили!

— Кирилл, — опасно тихим голосом обратился Никита к сытому собеседнику, остановившись прямо перед его креслом. — Ты же лично руководил этим похищением. Ответь мне, почему твои люди убили госпожу Крагину? Зачем нужна была эта лишняя кровь?

— Да потому что этой бестолочи вообще ничего серьезного доверить нельзя! Ему даже простое письмо передать — и то задача невыполнимая, обязательно напутает! — язвительно вставил свои пять копеек Максим, скрестив руки на груди.

Кирилл от такой обиды даже засопел, шумно втянув носом воздух, и отложил обглоданную кость на серебряное блюдо.

— Вот почему вы ко мне вечно так несправедливы? — искренне возмущился он, переводя взгляд с Максима на насупившегося графа. — В приказе что было написано? Было дано четкое, ясное указание: брать живой и невредимой только молодую госпожу, Катерину. Всех остальных свидетелей — в расход! — победоносно процитировал он слова из тайной инструкции. — Я действовал строго по букве вашего же приказа, Никита Николаевич. Какие ко мне после этого могут быть претензии? Сказано — в расход, мои ребята и бахнули без лишних разговоров.

Максим лишь укоризненно, с глубоким сожалением покачал головой:

— Ну а подумать своей собственной головой, Кирилл? На секунду включить разум? Это же женщина, мать! Теперь Крагин от горя и ярости на стены лезть будет!

— Это не ко мне, думать — ваша дворянская забота! Я солдат, я исполняю приказ от и до, и всё! — раздраженно и грубо огрызнулся Кирилл, отворачиваясь к окну.

— Да уж, извини, это действительно не к тебе, тут я погорячился, — тяжело вздохнул Максим, потирая переносицу. — И как мы выпутываться из этой скверной истории теперь будем? Весь план на смарку, Догодькина напугаем раньше времени.

Кирилл на это лишь безучастно и равнодушно пожал плечами, мол, моя хата с краю, делов не знаю.

— Теперь придется выжидать. План менять поздно, — задумчиво и глухо ответил Никита, глядя на пламя догорающей свечи. — Будем затаившись наблюдать за каждым шагом и действием Крагина. Посмотрим, к кому он побежит за помощью — к Догодькину или сразу во дворец...

В этот момент в дубовую дверь кабинета негромко, робко постучали.

— Войдите! — резко отозвался Никита, мигом принимая свой привычный холодный вид.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился бледный Иван. Он мял в руках шапку и, сильно запинаясь от страха перед грозным барином, тихо доложил:

— Господин... Там это... молодая особа в подвале пришла в себя. И так истошно вопит, сердешная, на все казематы, что аж жутко становится... Что прикажете делать?

Никита медленно повернулся к слуге, и в его глазах снова блеснул тот самый опасный, звериный огонек.

— Не обращай внимания, провопит и перестанет, — ледяным, абсолютно спокойным голосом ответил Никита. — К ней в камеру пока без моего приказа не ходи. Хлеба и воды не носить. Пусть посидит в полной темноте, придет в подлинный ужас и отчаяние. Глядишь, к ночи станет куда сговорчивее. Вечером я сам её навещу и потолкую.

Иван покорно, низко кивнул и бесшумно вышел, не смея перечить грозному хозяину.

«Жаль бедняжку, ох как жаль, аж душа исходит! — крутилось у него в голове, пока он спускался по гулким ступеням. — Что же такого страшного сделала эта хрупкая голубушка нашему суровому господину? Почему он так к ней лют и суров?»

А внизу, в сыром каземате, окончательно сорвав голос и совершенно выбившись из сил, Катерина бессильно опустилась в углу на холодный, склизкий пол. Она сжалась в комок и тихо, горько заплакала.

В крошечной тьме перед её глазами то и дело яркими вспышками мелькало искаженное предсмертной болью лицо матери. От этих страшных, кровавых воспоминаний девушку снова и снова душили судорожные рыдания. Черная горечь невозполнимой утраты накрыла несчастную с головой. Настоящая, дикая паника сменилась тупым отчаянием. От невыносимого бессилия Катерина начала исступленно колотить маленькими кулачками по безжалостному, покрытому плесенью камню своей темницы, сдирая нежную кожу в кровь. Но стены молчали.

Время в застенках тянулось невыносимо, мучительно долго. Пытаясь хоть как-то согреться в одном лишь тонком шелковом платье и унять нервную дрожь, девушка принялась без остановки мерить шагами тесную камеру. За долгие часы она буквально протоптала невидимую дорожку из угла в угол.

От зловещей неизвестности становилось жутко до тошноты. Что с ней будет дальше? Жива ли она останется? Для какой надобности её здесь держат в цепях? К тому же, язык уже прилипал к гортани — Катерине безумно, до головокружения хотелось пить. Да и естественная нужда всё сильнее давала о себе знать, превращаясь в изощренную пытку. В углу каземата тускло поблескивало старое, грязное помойное ведро. Но воспользоваться такими скотскими «удобствами» гордая, чистоплотная дворянка брезговала до последнего, задыхаясь от стыда и омерзения. В конце концов, окончательно измученная, выплакавшая все слезы, она без сил повалилась на жесткое, пахнущее гнилью подобие кровати и забылась тяжелым, кошмарным сном.

Катерину внезапно разбудил резкий, оглушительный, лязгающий звук открывающейся железной двери. Засовы заскрежетали так, что заложило уши.

В темной камере мгновенно вспыхнул яркий, слепящий, колеблющийся багровый свет. Это были факелы в руках зашедших тюремщиков. Огонь шумно трещал, бросая на каменный

свод длинные, пугающие черные тени. Девушка зажмурилась от резкого света, выставив вперед скованные руки, и в страхе замерла на своей лежанке. Час её свидания с палачом настал.

В дверном проеме зловеще обрисовались три массивных мужских силуэта, закрывая собой единственный выход из каменного мешка. Девушка испуганно приподнялась на локтях, утопая в гнилой соломе. Со страхом, пополам с отчаянным ожиданием, она в упор уставилась на своих ночных похитителей, чьи лица едва освещал факел в руке дрожащего позади слуги Ивана.

— А она, признаться, очень даже ничего, не дурна собой! — цинично и развязно заметил Максим, оценивающе оглядывая растрепанную, но все еще прекрасную пленницу с головы до ног, словно породистую кобылицу на торгу.

— Добрый вечер, сударыня. Ну как вам ваше новое место обитания? Уютно ли? — с явной, издевательской усмешкой спросил он же, облокотившись о сырой косяк и поигрывая дорогой перчаткой.

— На каком таком основании вы меня здесь держите?! — Катерина изо всех сил попыталась придать своему дрожащему голосу былой дворянской твердости, хотя тугой корсет сдавливал грудь, мешая дышать от накатившего ужаса. — По какому праву вы, душегубы, убили мою матушку?!

— Да уж, с госпожой Крагиной скверная накладочка вышла, грех спорить, — неловко почесывая затылок и переминаясь с ноги на ногу, нехотя буркнул упитанный Кирилл. Он все еще держал в руке обглоданную куриную кость, отчего вся сцена казалась еще более жуткой и гротескной.

— Накладочка?! Вы... вы это гнусное убийство накладочкой называете?! — окончательно срываясь на безумный, надрывный крик, возмутилась Катерина. Она рванулась вперед, забыв про мерзких крыс и холод. — Вы среди ночи хладнокровно, как псы, забрали жизнь абсолютно невинного, святого человека! И для вас, чудовищ, это просто маленькая накладочка?!

Новые горячие слезы, обжигая испачканную в саже кожу, бурным потоком покатались по её бледным щекам, смывая остатки дорогих бабушкиных притираний. Она разрыдалась, закрыв лицо разбитыми в кровь пальцами.

В этот миг вперед из темноты медленно выступил рослый, широкоплечий Никита. Он подошел к самой лежанке и грозно посмотрел на девушку сверху вниз, словно палач на эшафоте. От его мощной фигуры веяло могильным холодом и непреклонной волей государева сыска.

— То, что вы устраиваете здесь бабские истерики и сотрясаете стены, вашей покойной матери уже никак не вернет и ничего не изменит, — наотмашь, ледяным тоном отрезал он, даже не моргнув глазом. Его голос прозвучал как удар топора.

— Да как вы смеете?! На каком основании вы меня здесь заперли?! Вот погодите, только узнают мой законный жених Илья и отец — вам всем, мерзавцам, головы отрубят, не поздоровится! — гневно, теряя рассудок от горя и бессилия, крикнула девушка, судорожно сжав в кулаке спрятанное под корсетом заморское кольцо.

Никита лишь мрачно усмехнулся, услышав имена Догодькина и Крагина.

В абсолютном отчаянии, не помня себя от ярости, Катерина сорвалась с места и коршунном бросилась с кулаками на Никиту, надеясь расцарапать это холеное, безжалостное лицо.

Однако граф даже не шелохнулся. Одно заученное, молниеносное движение — и он легко, как сухие веточки, перехватил её тонкие, нежные запястья в воздухе. Грубо, до боли сжал их в своих стальных тисках, принуждая девушку замереть.

Их лица оказались в нескольких дюймах друг от друга. Глаза встретились. Ледяной, мертвенный холод глубокого презрения в его хищном взгляде и полыхающий огонь жгучей, праведной ненависти в её заплаканных глазах вступили в яростное, безмолвное противостояние. Словно сошлись лед и пламень в подземелье.

— Да как вы смеете?! Пустите меня, немедленно пустите! — в глухом гневе кричала Катерина, тщетно пытаясь вырваться из его мертвой хватки. Она дергалась всем телом, но граф держал её крепко, словно железными клещами.

— Гляди-ка, Максим, наша благородная птичка ещё не осознала, где находится. Всё думает, что она здесь хозяйка положения, — цинично усмехнулся толстяк Кирилл. Он со смешком толкнул локтем в бок стоявшего рядом Максима, который на его фоне выглядел заметно стройнее и строже.

— Я... я больше физически не могу здесь находиться! Мне нужно... в туалет! — вдруг навзрыд разрыдалась девушка.

Она окончательно теряла последние крохи своей светской гордости и спеси перед лицом жестокой реальности. Катерина закрыла лицо руками, плечи её судорожно вздрагивали.

— А еще помыться! От меня уже за версту пахнет этой проклятой казематной сыростью, плесенью и грязью!

— Сударыня, вы, кажется, до сих пор не уяснили: вы здесь не в гостях у своих богатых родственников, — холодно и жестко парировал Никита, даже не думая разжимать пальцев на её запястьях. — Помоемся и отдохнете тогда, когда мы полностью решим все наши вопросы с вашим дражайшим батюшкой. Не раньше.

— Пожалуйста... Я умоляю вас! Дайте мне хотя бы обычные удобства, в нормальных, человеческих условиях! — взмолилась Катерина.

Она мгновенно перешла от яростного гнева к горькой, унижительной мольбе, заглядывая в бесчувственные глаза своего мучителя.

Упитанному Кириллу вдруг стало искренне, по-человечески жаль несчастную девушку. Уж очень беззащитной, хрупкой и жалкой она сейчас выглядела на этой гнилой лежанке. К тому же его до сих пор сильно мучили глухие, противные угрызения совести из-за нелепой, случайной гибели её матери на ночной дороге.

— Господин... Никита Николаевич, может, сжалитесь над девицей? — негромко, просительно обратился толстяк к командиру. — Она ведь не шпионка какая заграничная, не бунтовщица. Обычная барышня из хорошего дома, к таким застенкам не привыкшая.

— И кто же, по-твоему, будет сторожить её в барских покоях на верхних этажах? Ты?! — яростно рявкнул Никита.

Он резко, как заправский хищник, обернулся к своему подчиненному. Глаза графа опасно сузились.

— Ты, Кирилл — ходячая, круглая беда! Что мы делать-то будем, если эта девчонка обведет тебя вокруг пальца и сбежит? Ещё одного твоего глупого промаха я на своей службе не потерплю! Живьем в кандалы закатаю!

В неровном, колеблющемся свете чадающих факелов разъяренный Никита в этот миг пугающе напоминал дикого, голодного и абсолютно безжалостного зверя. От этого страшного зрелища Катерине стало по-настоящему, до леденящего ужаса жутко. Она вдруг ясно, отчетливо поняла: это бесчувственное каменное чудовище действительно способно на абсолютно любое зверство. И если на своих преданных людей он так страшно орет, то что же он сделает со своими заклятыми врагами?

— Никита Николаевич, — тихо и вкрадчиво начал Максим, стараясь успокоить командира и намеренно назвав его по отчеству, чтобы смягчить опасный тон. — Мне кажется, в этот раз наша «ходячая беда» всё-таки прав. Не стоит держать девицу в этом сыром, холодном подземелье. Вдруг захворает, горячку подхватит и дух испустит? Вам же лишние проблемы с покойниками перед государем сейчас точно не нужны? Хладный труп нам ничем не поможет, а лишь усугубит ситуацию.

Никита замер, обдумывая слова Максима, а Катерина затаила дыхание, ожидая своей участи.

— И как вы себе это представляете? Мне ей отдельные господские апартаменты выделить с перинами да лакеями?! — Никита круто обернулся к товарищам, и в его голосе зазвенел ледяной металл. — У меня государственная служба, нет времени возиться с капризной дворянской девицей! До завтрашнего утра она будет находиться здесь, на камнях. Разговор окончен! — раздраженно рявкнул граф, намертво отрезая любые возражения подчиненных.

— Тогда отпустите хотя бы меня, изверг! От вашего мерзкого, палаческого запаха я сейчас задохнусь! — грубо и отчаянно буркнула Катерина, силясь отвернуться.

Она до сих пор находилась в крайне неудобном, унижительном положении — сдавленная сильными мужскими руками и намертво прижатая к могучей, широкой груди Никиты. Катерина отчетливо, сквозь плотное сукно кафтана чувствовала ровное, глухое биение его сердца. Ненавидя этого человека всем своим истстрадавшимся нутром, она едва сдерживалась, чтобы не вонзить ногти в его кожаную португую и силой не остановить этот монотонный, пугающе спокойный стук его ледяного сердца.

Никита недоуменно посмотрел на девушку, словно только сейчас, очнувшись от гнева, вспомнил, что до сих пор держит её. Он с легким пренебрежением, грубовато толкнул Катерину обратно на деревянную лежанку вглубь камеры. Перед тем как закрылась тяжелая дверь, их глаза снова встретились в багровом полумраке.

По спине девушки пробежал ледяной, могильный холодок. Она отчетливо понимала: просить о снисхождении и милости у этого черствого, сурового сухаря нет абсолютно никакого смысла. Этот грубиян неимоверно, до дрожи раздражал её. От бессильной, удушающей досады Катерина до крови искусила свои пухлые губы.

— Как я здесь буду одна?! Тут полно жирных крыс! Мне страшно, побойтесь Бога! — в панике закричала Катерина, с содроганием вспомнив свое жуткое пробуждение.

— Мне кажется, вы с ними быстро подружитесь. Одной крови, — наотмашь, с убийственным хладнокровием парировал Никита.

Девушка буквально побагровела от бешеной, кипящей злости. Каждая клеточка её тела содрогнулась от такого оскорбления.

— Я вас ненавижу! Слышите?! Вы мерзкий, бездушный подонок! Бесчувственный грубиян, палач, мерзавец! — истступленно кричала она ему вслед, отчаянно пытаясь хоть как-то задеть этого сухаря за живое, пробить его броню.

Никита лишь смерил её ледяным, презрительным взглядом, в котором не отразилось ни единой человеческой эмоции. Ничего не ответив, он повернулся к пленнице спиной и размашистым шагом вышел из каземата. Тяжелая дубовая дверь с глухим грохотом захлопнулась, и зловеще лязгнул массивный железный засов. Сухой щелчок замка прозвучал как смертный приговор.

Девушка осталась совершенно одна в давящем полумраке. Страшное бессилие окончательно одолевало её. Дикое отчаяние и разрывающая сердце боль от недавней утраты любимой матери погружали её в черную, беспросветную тоску.

Вдобавок ко всем душевным мукам, Катерине уже просто нестерпимо, до рези в животе хотелось в туалет. Смерив брезгливым, полным жгучего стыда взглядом грязное, смердящее отхожее ведро в углу каземата, она, глотая слезы позора, всё же решилась им воспользоваться. Для гордой дворянки это было хуже любой физической пытки.

«Негодяй, подлый подонок! Он ответит мне за все мучения, которым меня подверг! За каждую мою слезу! — в порыве дикого, яростного негодования думала девушка, утирая со щек горькие капли. — Ну подожди у меня... Только выберусь из этого проклятого склепа, ты за всё ответишь предо мной и перед законом! За всё, чудовище! Мерзкий, злобный тип!»

В это время Кирилл и Максим молча, точно тени, шли по длинному коридору вслед за стремительно шагающим Никитой. Они изо всех сил старались не привлекать к себе внимания разъяренного хозяина дома и лишь мельком, с опаской переглядывались между собой. В таком

мрачном, диком и по-настоящему опасном настроении они не видели своего сурового командира уже очень давно — пожалуй, со времен кровопролитных штурмов Полтавы.

— Видите ли, апартаменты её не устраивают! Птица какая важная, место ей в каземате не то! — бушевал Никита, на ходу буравя темноту коридора бешеным взглядом. — Если бы её никчемный батюшка Крагин был хоть капельку поумнее да не лез в государственную измену, не сидела бы эта высокомерная особа сейчас здесь на гнилой соломе! И ведь ещё смеет меня, главу канцелярии, в глаза оскорблять, девка! Не будь она бабой, клянусь богом, врезал бы ей хорошенько за такие дерзкие слова, а тут... тут я даже растерялся, не знал, что и делать... Господи боже мой, и угораздило же нас взять в плен девицу! Один сплошной убыток и морока!

— Еще и писаную красавицу к тому же, — робко, едва слышно добавил шедший позади Кирилл, шмыгнув носом.

Эти глупые, невовремя сказанные слова тут же стоили толстяку испепеляющего, налитого кровью и полного дикой ярости взгляда Никиты. Граф резко затормозил, так что Максим едва не врезался в его широкую спину.

— Ив́ан! Где тебя черти носят, рожа твоя безответная?! Иван! — во всю мощь легких взревел командир, окончательно теряя остатки своего хваленного самообладания. От его крика задрожали половицы, а со стен посыпалась старая штукатурка.

Молодой слуга тут же, словно из-под земли, вырос в самом конце темного коридора. Он робко прятал испуганные глаза, судорожно вжимая голову в плечи и преданно глядя в пол, ожидая неминуемой барской затрещины.

— Тебе особое задание, слушать меня в оба уха! Приготовь к завтрашнему утру одну из дальних жилых комнат наверху, на господской половине, — тяжело дыша и пытаясь унять дрожь в кулаках, приказал Никита. — Заколоти там окна намертво железными полосами. Переведем нашу строптивую пленницу туда, раз уж она на камнях хворать изволит. Ты будешь за ней денно и ночью присматривать, чтобы эта егoза не сбежала. Головой за неё предо мной отвечаешь! Довольны?! — устремив проницательный, как лезвие штыка, взгляд на притихших друзей, яростно рывкнул он.

Максим и Кирилл покорно переглянулись и согласно кивнули, благоразумно решив не злить командира ещё больше.

— Господин! Барин, кормилец! Боже мой праведный! Да как же мне за ней, за девкой-то, уследить?! — испуганно залепетал бледный Иван, судорожно сминая в руках суконную шапку. — У меня ведь и так дел по дому невпроворот, столько дел, господи! И за конями присмотри, и серебро почисти, и дров накопи!..

Паренек совершенно не привык к такой огромной, пугающей ответственности. Тьфу ты грех какой — охранять благородную девицу, да еще смотреть в оба глаза, чтобы она не сбежала!

— А чтобы без дела не сидела — пусть помогает тебе по хозяйству! Отрабатывает кусок хлеба, которым мы её тут кормим, — наотмашь отрезал Никита. — Или мне отныне каждое ваше плевое действие расписывать, словно малым детям?! Пошел вон с глаз моих!

Молодой человек, испуганно потупив взор, молча отвесил хозяину низкий земной поклон. Он торопливо удалился наверх — готовить дальнюю комнату для своей новой, огромной головной боли.

Друзья молча прошли вслед за графом в его просторный кабинет. Расположившись в глубоких, пахнущих дорогой кожей креслах, Кирилл и Максим погрузились в тяжелое молчание. Они покорно выжидали, пока Никита остынет и заговорит первым. Тишина в комнате становилась по-настоящему гнетущей, слышно было лишь, как за окном уныло шумит ночной ветер.

— Кажется, Никита Николаевич, тебе не очень-то по душе всё это похищение? — вкрадчиво, полушепотом начал Максим. Он внимательно, сквозь прищур, наблюдал за каждым движением своего командира.

— Да уж! Не думал я, грешным делом, что так чертовски сложно украсть девицу и не наследить при этом на всю губернию, — сквозь плотно сжатые зубы злобно процедил Никита. — Придется ведь держать суровый ответ, если этот грязный слух дойдет до самого государя Петра Алексеевича. Черт бы тебя побрал со всей твоей дружиной, Кирилл! Ну почему, скажи мне на милость, тебе всегда так тяжело выполнить простейшее, ясное задание, не натворив при этом глупых бед?!

— Хм... Если бы я тебя не знал с самого малолетства, то подумал бы, что тебя сейчас мучат истинные угрызения совести из-за безвременной смерти её матери, — лукаво хмыкнул Максим, откинувшись на спинку.

— Меня мучают предстоящие громкие скандалы и позорные оправдания, которые мне самолично придется придумывать перед Преображенским приказом и князем Ромодановским! — бешено рявкнул Никита в ответ, с силой стукнув кулаком по столу. — Сегодня же ночью, не теряя ни минуты, отправляйтесь обратно к Крагину. Тайно, без шума передайте ему в руки вот это письмо с моей личной сургучной печатью. И помните: без его письменного ответа мне на глаза не возвращайтесь! Ясно вам?!

— Да, это мы поняли, но... почему нельзя подождать хотя бы до рассвета? Ночью-то зачем по грязи скакать? Кони ведь... — начал было жалобно мямлить оголодавший Кирилл.

Однако под очередным испепеляющим, поистине лютым взглядом Никиты он тут же испуганно осекся на полуслове и сглотнул.

— Всё-всё, едем! Уже едем! Только не смотри на меня так, ради Христа. Я всё понял, буду исправлять свои ночные промахи.

Коренастый, упитанный Кирилл нехотя, со скорбным вздохом поднялся с мягкого кресла, собираясь в неблизкий ночной путь. По его мрачному, обиженному виду было совершенно ясно: пускаться в дорогу по темному тракту ему не хотелось до смерти. Но пререкаться с разъяренным главой Тайной канцелярии сейчас было себе дороже — можно было запросто и на дыбу угодить заслушание.

Глава 3

Наступил глухой, безлунный вечер. Семён Иванович Крагин в полном отчаянии мерил просторную комнату быстрыми, неровными шагами. Томительное, удушающее ожидание заставляло его старое сердце бешено и больно колотиться в груди. Любимая жена с дочерью-красавицей должны были воротиться со старого московского тракта ещё к сытному обеду. Теперь же за слюдяными окнами давно стояла черная ночь. Определенно, в дороге случилось что-то страшное, непоправимое. Целый час назад испуганный господин отправил десяток дворовых людей на поиски, но никаких вестей с большой дороги всё не было. Эта проклятая неизвестность буквально сводила несчастного отца и мужа с ума.

Вдруг дубовая дверь с грохотом распахнулась настежь. В комнату, спотыкаясь о порог, вбежал на смерть перепуганный, запыхавшийся слуга Пáвел. Кафтан на нем был распахнут, а лицо — блее полотна.

— Господин! Барин! — тяжело, со свистом дыша и хватаясь за сердце, дико выкрикнул он. — Беда пришли, откуда не ждали! На карету вашу на ночной дороге волки лютые напали... душегубы! Вашу супругу, госпожу нашу Софью свет-Даниловну, убили наповал прямо в салоне... Я уже распорядился, как нашли, доставить её бездыханное тело в верхние покои. А молодой хозяйки, Катерины Семёновны, нигде в округе нет! И следа не осталось! Похоже, живьем украли, похитили, вороги!

Семён Иванович от такой страшной вести пошатнулся, словно от удара обухом по голове. Он судорожно схватился руками за седеющую голову и глухо, по-звериному завыл от невыносимого отчаяния. Весь свет его очей потух в одно несчастное мгновение. Кто? Кто осмелился

поднять свое грязное оружие на его тихую, добрую жену?! Кто безжалостно похитил его единственную, любимую доченьку, его гордость?!

Сорвавшись с места, Семён Иванович, не помня себя от горя, сломя голову побежал по лестнице в дальние покои. Там, на широкой постели под шелковым покрывалом, уже лежало остывающее, бледное тело его супруги со страшной раной в груди.

— Боже праведный! Царица Небесная! Кто мог совершить такое чудовищное злодеяние?! За какие грехи?! — рыдал он во весь голос, напрочь забыв о дворянском достоинстве.

Мужчина без сил рухнул на колени перед кроватью, утыкаясь лицом в холодные, пахнущие дорожной пылью и кровью руки покойной жены.

— Кто посмел разлучить меня с тобой, Софьюшка?! На кого ты меня покинула?!

И вдруг среди этого горячего потока слез липкий, леденящий страх змеей сковал его хрупкое тело. Рыдания Крагина резко оборвались. До него внезапно, с ужасающей отчетливостью дошло: это вовсе не был простой налет обычных лесных разбойников, позарившихся на кошелек. Нет. Это было страшное, кровавое предупреждение лично ему. Сколько раз за последний год он втайне хотел бросить всё...

...и навсегда уйти от этих грязных, смертельно опасных дел! Но Пётр Николаевич Догодькин всегда жестко, безжалостно шантажировал его, не давая ни минуты покоя и крепко держа за горло. Все эти долгие годы Семён Иванович вертелся как уж на раскаленной сковородке. Он тайно потакал и нашим, и вашим, лгал, изворачивался, предавал — и всё лишь ради одного: любой ценой защитить свои шкурные интересы и покой любимой семьи.

Но где же, в какой момент он так страшно просчитался? Чья это лютая месть?

В раскаленной голове Крагина внезапно всплыло самое черное, самое страшное злодеяние, которое он самолично совершил много лет назад ради легкой наживы и чинов. Тот самый проклятый день, когда он вместе с наемниками безжалостно, как скот, вырезал и заживо сжег в усадьбе всю благородную семью Кречетовых...

Как же тогда покойный генерал Кречетов был близок к тому, чтобы полностью разоблачить тайный заговор Догодькина перед государем! Но все улики и свидетели сгинули в страшном, ревущем пожаре. Неужели мертвецы восстали из могил?

От этих мрачных, леденящих душу воспоминаний Семёна Ивановича отвлек шорох у двери. Слуга вошел в покои абсолютно неслышно, почтительно склонив голову:

— Господин... Простите великодушно, что тревожу в такой час. К вам внизу пришли два незнакомых человека. Завернуты в темные плащи, лиц не кажут. Говорят, что дело у них чрезвычайной, государственной важности и не терпит ни минуты отлагательств.

Мужчина с огромным трудом, шатаясь, оторвался от постели погибшей жены. Он мертвым, невидящим взглядом посмотрел на слугу:

— Ступай... Передай им, что я сейчас спущусь.

Тяжелой, шаркающей поступью, совершенно разбитый страшным горем, он направился к себе в кабинет. Сердце его замирало и ныло, предчувствуя новую, еще более страшную надвигающуюся беду.

А в это время в просторном господском кабинете Мάксим и Кирилл нервно, из угла в угол мерили комнату шагами. Сложившаяся на ночном тракте ситуация не нравилась решительно никому из них. Жареным пахло на всю Москву.

— Вот как ты мог так глупо, так позорно оплошать?! — укоризненно, в сотый раз ворчал Максим на понурого товарища, нервно поправляя портупею. — Ты сам видел, в каком неопишемом, бешеном ярости сейчас находится Никита? Ты ведь взрослый, тертый человек, на войне побывавший, в кровавых боях крещеный! А тут на ровном месте так опростоволохился, как мальчишка зеленый!

— Да, знаю я, нехорошо, скверно вышло, — виновато и тихо оправдывался Кирилл. О еде он сейчас даже не помышлял. — Так кто же, скажи на милость, знал, что этот чертов идиот-

наемник сразу за пистолет схватится и выстрелит без предупреждения? Я вообще в тот миг поодаль стоял, коней придерживал!

— Если Крагин сейчас поднимет крик на весь город, если этот страшный скандал дойдет до высших властей и Преображенского приказа — Никите несдобровать, — тяжело вздохнул Максим, останавливаясь у окна. — Да и нам вместе с ним головы на плахе не сносить за такое самоуправство. Государь шутить не любит.

— Будем молить Бога, чтобы пронесло... — буркнул Кирилл, крестясь на икону в углу.

Вдруг тяжелая дверь кабинета со скрипом открылась. На пороге появился сам хозяин дома. Семён Иванович выглядел ужасно: глаза покраснели от слез, одежда была растрепана, лицо осунулось.

— Добрый вечер, господа, — глухо, мертвым голосом спросил он, с трудом удерживаясь на ногах. — Чем обязан столь позднему и незваному визиту в мой дом?

— Господин... — сильно запинаясь и пряча глаза, начал было Кирилл. — Тут это... Крупная неувязочка у нас на дороге вышла. Извиняйте.

Он неловко шагнул вперед. Из-под кафтана он протянул замершему хозяину дома запечатанный пакет с личной сургучной печатью графа Богданова.

Семён Иванович дрожащими пальцами сорвал гербовую печать. Он развернул плотный лист бумаги и жадно вчитался в неровные, размашистые строки, написанные чернилами:

«Добрый вечер, Семён Иванович. Приношу свои искренние извинения по поводу безвременной и трагической утраты вашей супруги. Мне было искренне горестно услышать о её безвременной кончине. Право слово, я этого никак не желал. Моим людям было строго-настрого велено лишь забрать вашу дочь Катерину. Но вышло то, что вышло. Я опечален этим кровавым событием не меньше вашего. В моих планах не было лишать жизни невинную женщину. Однако ваши давние корыстные намерения и измена вывели меня на столь жесткие, крайние меры. Так как вы открыто являетесь с моим злейшим врагом, ваша дочь отныне будет находиться под моим личным, бдительным присмотром. И вы теперь никуда от меня не денетесь. Бежать из города и жаловаться своему высокому союзнику — абсолютно бесполезно. Катерининому жениху Илье и его отцу Петру Николаевичу передайте от меня наилучшие пожелания. Для всех остальных в свете пусть ваша дочка пока просто погостит у дальней тетушки в деревне. От меня лично ждите дальнейших, очень скорых поручений!»

Дочитав это страшное, циничное письмо до самого конца, Крагин в одно мгновение побагровел от бешеной, яростной злости. Кровь бросилась ему в лицо. Его старые раны и страх отступили перед лицом чистой мужской ярости.

— Недоносок! Выскачка царский! Да как он только смеет?! — в диком бешенстве закричал Крагин.

Он с силой сжал несчастный листок бумаги в кулаке, с хрустом смял его и разорвал на мелкие клочки, бросив их под ноги сыщикам. Мужчина устремил на незваных гостей Тайной канцелярии взгляд, полный испепеляющей ярости и глубокого презрения.

— Ублюдки! Опричники проклятые! Корыстные крысы! Как вообще можно такое зверство творить с благородными людьми?! Забирать жизни! Похищать девиц!

— Насколько нам доподлинно известно по бумагам канцелярии, вы в своё время точно такими же грязными методами тоже ни разу не брезговали, — ледяным, режущим тоном заметил Максим, шагнув вперед и кладя руку на эфес шпаги. — Что, Семён Иванович, теперь, когда прилетела обратка, эти методы вам не очень-то по нраву? Так что перестаньте призывать тут нас к христианской совести. Полно играть на публику в своем доме, мы не в театре. Давайте ближе к делу: что нам на словах передать графу ?

Крагин тяжело задышал, шумно втягивая ноздрями воздух. Он понял, что эти люди знают намного больше, чем он думал. Ловушка захлопнулась.

— Я согласен на тайную встречу, — глухо, сквозь зубы процедил Семён Иванович, опуская голову. — Передайте своему графу... Передайте, что я буду покорно его ожидать. Пусть сам приходит.

— Ну вот и славно. Договорились, — холодно ухмыльнулся Максим. — Можете нас к крыльцу не провожать, люди мы не гордые, дорогу обратно до лошадей сами найдем.

Сыщики круто развернулись, накинули темные плащи и стремительно вышли из кабинета в ночную прохладу, оставив Крагина наедине с разорванным письмом и мертвой женой на верхнем этаже.

Молодые люди вышли из кабинета, ни разу не оглянувшись назад.

— Ну вот, сглазил! Теперь, пока до усадьбы доберемся, уже и утро белое наступит, — всю обратную дорогу уныло ныл Кирилл, мерно покачиваясь в седле. — Ни поспать по-человечески, ни поесть спокойно на этой проклятой службе нельзя! Как же я смертельно устал, кости ломит!

— Да хватит уже, ладно тебе душу мотать? Замолкни, Христа ради! — раздраженно отмахивался Максим от вечного ночного нытья приятеля, сильнее кутаясь в плащ от предрассветного тумана. — У меня от твоего скулежа скоро нервный тик начнется и в ушах зазвенит. Скажи спасибо, что Крагин на нас с саблей не бросился.

Катерина проснулась на жестких досках от тупой, ноющей боли в пояснице.

«Господи милосердный, Царица Небесная, пусть всё это окажется лишь страшным, кошмарным сном! Пусть я сейчас открою глаза и проснусь в своей мягкой постели, под теплым пуховым одеялом, а сегодня же днем увижу любимого Илюшу...» — беззвучно, одними губами молила она, сжимая кулаки.

Но реальность застенков оказалась жестокой и бесчувственной. В сыром каземате по-прежнему царил давящий, зловещий полумрак, а где-то в темном углу, возле грязного ведра, противно и голодно пищали крысы. По спине несчастной девушки пробежал ледяной, могильный холодок.

«Господи боже мой, сколько же времени я буду находиться в этом проклятом каменном склепе? Неужели это конец?» — в полном, беспросветном отчаянии подумала она, уткнулась лицом в колени и горько, безутешно заплакала.

Вдруг в глухой тишине сырого каземата оглушительно лязгнул тяжелый железный засов. Обитая железом дверь со зловещим скрипом приоткрылась. Катерина испуганно вскинула голову, намереваясь до последнего защищаться от бессердечного, грубого чудовища, с которым ей пришлось столкнуться накануне. От одного воспоминания о его вчерашнем визите душу девушки бросало в ярость, а за жестокое, глубокое унижение, которому он её подверг, она возненавидела мучителя всем сердцем. «Хам! Какой же беспардонный грубиян, и как только таких земля носит!» — отчаянно вертелось у неё в голове.

Но, к её великому изумлению и облегчению, на пороге мрачного заточения появился незнакомый юноша.

— Доброе утро, сударыня, — молодой слуга Иван робко, со всем подобающим почтением поприветствовал измученную пленницу, переступая порог с пылающим факелом в руке. — Наш грозный барин, граф, распорядился перевести вас отсюда в другие, верхние апартаменты. Извольте следовать за мной, барышня.

Он торопливо отпер ржавый замок на решетке. Катерина, не веря своему внезапному счастью, стремительной птицей выскочила из постылого, смердящего подземелья, едва не сбив растерявшегося парня с ног. До новой комнаты они шли по длинным, гулким деревянным переходам усадьбы молча, не проронив ни единого слова. Девушка жадно вдыхала живительный чистый воздух, а Иван лишь виновато косился на её растерзанное шелковое платье.

— Вот... Вот ваше новое место жительства, — немного смущаясь и покорно сменяя сукодную шапку в руках, тихо начал слуга.

Он плавно распахнул дубовую дверь в светлую, просторную комнату на господской половине дома. Здесь было безукоризненно прибрано, в высокое окно ласково светило утреннее солнце, а на широкой кровати белели чистые хрустящие простыни.

Но Катерине было не до внезапного уюта. В её груди, стремительно вытесняя липкий страх, снова закипала гордая, непокорная дворянская кровь.

— Я могу сейчас же увидеть вашего господина? Мне нужно немедленно, сию же минуту с ним побеседовать! — резко обернулась она к парню.

— Он у себя в рабочем кабинете, со службы только воротился... Но, право слово, это не лучшая идея, миледи, — испуганно зашептал Иван, всплеснув руками. — Барин нынче с самого рассвета лютует, грозная буря в нем клокочет, совсем не в духе они-с!

— Для меня теперь уже нет ничего худшего на этом свете! Веди меня к нему! — властно и решительно потребовала Катерина, сверкнув глазами так, что Иван сразу узрел в ней истинную, величественную госпожу.

Слуга не посмел больше перечить законной дворянке и безропотно повиновался. Дойдя по ковровой дорожке до массивных резных дверей кабинета, Иван негромко, робко постучал и аккуратно заглянул внутрь:

— Господин... Никита Николаевич, простите дурака. Вас хочет видеть эта... женщина. Пленница наша.

Не дожидаясь официального приглашения или трусливого разрешения слуги, Катерина решительно, высоко подняв голову, шагнула вглубь кабинета. Обжигающая ярость, неутрачиваемая обида за безвременную смерть матери и ущемленная гордость распалялись в ней с каждым шагом, окрашивая бледные щеки лихорадочным румянцем, а взгляд делая пугающе опасным.

Никита, до этого склонявшийся над ворохом тайных бумаг Преображенского приказа, молча откинулся на высокую спинку глубокого кожаного кресла. Он словно потерял дар речи. Граф завороченно, не мигая, наблюдал за плавной, горделивой и ослепительно прекрасной грацией разъяренной девушки. Даже в испачканном, разорванном платье и с растрепанными иссиня-черными волосами она выглядела как разгневанная королева.

— Иван, свободен, — не сводя гипнотического глаза с Катерины, приглушенным от изумления голосом скомандовал Никита. — Понадобись — я тебя сам позову.

Слуга с видимым облегчением выскочил за дверь, бесшумно прикрыл её и спешно удалился подальше от назревающего греха.

Катерина сделала еще один уверенный шаг к массивному письменному столу. Она оперлась ладонями о резной дубовый край, наклонилась вперед и твердо, глядя прямо в его холодные, звериные глаза, произнесла:

— Господин, по какому праву вы меня здесь задерживаете?! — голос её звенел от сдерживаемых горьких слез и праведной ярости. — Напишите немедленно моему отцу! Он отдаст вам любые деньги, любые земли, какие только пожелаете! Давайте сообщим моему жениху — я уверена, Илья заплатит вам просто огромный, поистине царский выкуп! Только отпустите меня, умоляю, прекратите этот кошмар!

— Миледи, кажется, вы так до сих пор ничего и не поняли, — нарочито растягивая слова, с ленивой, циничной барской усмешкой начал граф. — Мне не нужны ваши выкупы. И здесь, в

этих мрачных стенах, вы находитесь исключительно из-за черных, несмываемых грехов своего дражайшего папеньки.

Никита медленно, с обманчивой грацией сытого хищника поднялся со своего места. Он обошел массивный стол и подошел к ней почти вплотную. На Катерину пахло дорогим заморским табаком, выделанной кожей и тем самым пугающим, могильным холодом, от которого кровь стыла в жилах.

— Вчера поздним вечером мне пришла в голову одна изумительная, просто гениальная мысль, — тихо, почти у самого её уха прошептал он, обжигая дыханием. — Чтобы крепко держать вашего трусливого отца в железной узде и при этом не вызывать у светского общества на ассамблеях лишних подозрений по поводу вашего внезапного исчезновения... я на вас женюсь.

Катерина буквально опешила от этого безумного, чудовищного заявления. Её красивые глаза округлились от дикого, парализующего шока. Воздух мгновенно застрял в груди, не позволяя издать ни единого звука. Словно зыбкая земля ушла у неё из-под ног. Венчаться? С этим бездушным чудовищем? С палачом её несчастной матери?

— Уверю вас, милая сударыня, видеться мы с вами после венца будем крайне редко, — продолжал откровенно издеваться над беззащитной девушкой Никита, и в его вкрадчивом голосе сквозило изощренное барское презрение. — Зато вам больше никогда не придется гнить в сырой темнице в компании жирных, голодных крыс. Вполне выгодная, честная сделка, не находите?

Он пристально, не мигая, смотрел на неё сверху вниз, словно анаконда на замороженную жертву. Граф жадно ловил каждую мимолетную эмоцию на её побледневшем лице. Ему до безумия, до темной дрожи в кулаках хотелось наконец-то растоптать, в порошок стереть с лица Катерины эту вековую дворянскую надменность — то самое холодное, высокомерное презрение, которое так яростно раздражало его в каждом её движении, в каждом гордом повороте головы и во вспыхивающем взгляде.

Катерина на секунду оцепенела от этих чудовищных, кощунственных слов. К горлу подкатила тошнотворная волна омерзения: мысль о близости с этим человеком казалась ей осквернением. Но бурная, непокорная кровь и ущемленная гордость быстро взяли верх над парализующим страхом.

— У меня есть законный жених! Я люблю его, и мы очень скоро собираемся обвенчаться! — горячо, задыхаясь от яростного негодования, воскликнула она. — Мне нет абсолютно никакого дела до ваших грязных тайных счетов с моим отцом! Я хочу выйти замуж за любимого человека, хочу нормальной, тихой семьи и детей!

— Милочка, не всё в этой земной жизни бывает так, как мы того желаем, — хладнокровно, словно палаческий топор, отрезал Никита. — Придется вам с этим покорно и безмолвно смириться.

— Вы... вы подлое, трусливое ничтожество! Гнусный изверг!

В безумном порыве слепой ярости Катерина бросилась на него. Она отчаянно пыталась хоть как-то пробить невидимую, непробиваемую броню его ледяного сердца, избить его грудь кулаками. Но граф легко, одним ленивым движением перехватил её тонкие запястья в воздухе. Он резко, до глухого хруста в суставах, завел их за её спину. Плотно, безжалостно притянув трепещущую от омерзения девушку к своему каменному телу, Никита наклонился к самому её уху:

— Вы восхитительны в своем ничтожном гневе. Уверен, вы станете просто прекрасной матерью моих будущих детей, — тихо, вкрадчиво выдохнул он, намеренно растягивая слова и с садистским наслаждением вонзая это лезвие в её душу.

Отвращение к его запаху, к его ядовитому дыханию ошпарило Катерину изнутри диким, животным ужасом.

— Пустите! Да как вы смеете, палач?!

Собрав всю свою иссякающую силу, она рванулась и вырвалась из его стальных, тиранических объятий. Катерина наотмашь, со всего размаху вlepила ему звонкую, хлесткую пощечину.

— Я не буду, слышите, не буду играть в ваши мерзкие, подлые игры! Это жестоко!

— Жестоко? — Никита медленно прикоснулся тонкими холеными пальцами к горячей от удара щеке.

На его губах медленно, змеиным изгибом расплылась зловещая, хищная ухмылка зверя, почуявшего долгожданное сопротивление.

— Милая моя, ты ещё ровным счетом ничего не знаешь о настоящей, подлинной жестокости, — тихо, с леденящей кровью угрозой произнес Никита. На его лице не дрогнул ни один мускул. — Чтобы тебе было чем занять свои изнеженные ручонки и дурные, мятежные мысли, отныне ты будешь безропотно исполнять всю самую грязную, тяжелую работу по моему дому. Немедленно переоденешься в грубое крестьянское рубище — и за дело, на кухню, к жаркой печи. Иван! — громко, раскатисто позвал он, совершенно не обращая больше внимания на безмолвный, яростный протест застывшей пленницы.

Катерина вышла из судейского кабинета бледная как привидение, шатаясь от пережитого позора, словно от сильного физического удара. Шагая по длинному, бесконечному деревянному коридору господского дома, она судорожно, в панике пыталась осмыслить этот внезапный кошмар:

«Что этот самонадеянный, самовлюбленный деспот вообще возомнил о себе?! Хотя... — в голове вдруг промелькнула запретная, пугающая, предательская мысль. — Нельзя не признать, что он чертовски хорошо сложен, широк в плечах и порочно, дьявольски хорош собой. В нем есть что-то дикое, первобытное, по-настоящему живое... То, что пугает до одури и одновременно, вопреки здравому смыслу, странно, гипнотически притягивает. Может быть, при совсем других, счастливых обстоятельствах я бы и обратила на него свой взор...»

От этой мысли Катерину передернуло, к горлу подступил ком удушья.

«Но всё это напоминает дурной, лихорадочный сон! Меня нагло похитили среди ночи. Меня грубой силой принуждают к замужеству с тираном, которого я вижу первый раз в жизни! Он ведь сам меня ни капли не любит, зачем тогда весь этот расчетливый, циничный фарс? А мама... Господи праведный, ведь его цепные псы безжалостно убили мою маму! Я ненавижу этого человека, он всю мою жизнь разом испоганил, растоптал в грязи!»

Вспомнив о мрачном, леденящем подземелье с крысами, девушка приняла тяжелое, унижительное, но единственно верное решение. Она будет покорной. Станет искусно, до хрипоты в горле притворяться прилежной, тихой служанкой. Медленно, шаг за шагом она усыпит бдительность этих жестоких тюремщиков, а при первом же удобном случае — сбежит из этого проклятого, душного заточения на свободу.

В коридоре её по-прежнему терпеливо поджидал Иван. Глядя на эту совершенно потерянную, заплаканную благородную барышню, у которой от бывшего величия осталась лишь гордая осанка, молодой слуга едва сдерживал щемящую, разрывающую сердце жалость.

— Сударыня... — робко начал он, стараясь не смотреть в её заплаканные глаза и судорожно комкая в руках серый суконный фартук. — Мне строго приказано выдать вам простое платье, обеспечить работой по дому и неотлучно присматривать за вами. Извольте пройти за мной на половину прислуги.

— Катерина. Меня зовут Катерина, — как в тяжелом, лихорадочном бреде, едва слышно отрывисто произнесла она, заставляя слугу забыть о её высоком титуле.

Девушка поднялась вслед за ним в свою новую светлую комнату, без сил рухнула на чистую постель и снова горько, безутешно зарыдала, беспомощно спрятав бледное лицо в ладонях. Иван так и остался стоять у самого порога, точно пригвожденный к месту. Он растерянно переминался с ноги на ногу, ломая пальцы, и совершенно не знал, как подступиться, какими

словами утешить несчастную знатную узницу. Сердце простодушного парня буквально разрывалось на части от щемящей жалости к этой хрупкой, беззащитной барышне.

«И зачем только нашему суровому, безжалостному хозяину мучить такую ангельскую, чистую душу? Что за страшный грех он берет на себя?» — в сотый раз задавался безответным вопросом преданный слуга.

Наконец Катерина нашла в себе силы взять волю в кулак. Она решительно смахнула обжигающие слезы со щек, сделала глубокий, судорожный вдох и посмотрела на парня опухшими от долгого плача, но вновь обретшими твердость глазами:

— Что ж... Мы найдем, во что мне переодеться? Показывай свое крестьянское тряпье.

Слуга торопливо, испуганно кивнул. Он робко приблизился к громоздкому деревянному шкафу, с тихим скрипом отворил тяжелую дверцу и достал оттуда совершенно новое, скромное крестьянское платье из простого холста. На удивление, оно было пошито безупречно — точь-в-точь по тонкой, изящной фигуре девушки.

Катерина перевела взгляд с наряда на слугу, и её губы тронула леденящая, полная невыразимой горечи усмешка:

— Ваш господин, похоже, часто практикует похищение благородных дам? Раз у него в закромах так предусмотрительно имеются женские платья на любой выбор и размер.

— Что вы, бог с вами, сударыня! Никак нет! — испуганно всплеснул руками слуга, бросаясь горячо заступаться за своего грозного барина. — Он заказал этот наряд специально для вас, еще вчера, у местной портнихи!

— Какая утонченная, поистине дворянская честь... — с неподдельной, ядовитой горечью отозвалась девушка, и по её спине пробежал мороз от осознания того, как тщательно и хладнокровно граф планировал это похищение. — Скажи, Иван, у вас в доме есть горничная или кто-нибудь еще из женской прислуги?

Иван виновато и отрицательно покачал головой:

— Нет, сударыня. За всем огромным поместьем приглядываю я один, да и поваром на господской кухне тоже служу я. Граф Никита Николаевич только недавно отстроил этот дом, гнездо свое родовое... Да и на месте они почти никогда не сидят, всё по делам Преображенского приказа гоняют. Так что видеть вы его будете совсем редко, — попытался он хоть как-то подбодрить измученную девушку.

Катерина лишь тяжело, обреченно вздохнула. Она медленно обвела скромную, чужую обстановку своим некогда царственным, а теперь бесконечно печальным взглядом. Ей предстояло стать пленницей в пустом, холодном доме, где каждый угол подчинялся воле её злейшего врага.

«Что ж, раз это Богом забытое место стало моим заточением, я обязана выжить. Буду покорно приводить всё в порядок и просто ждать своего часа», — мрачно подумала она, усмиряя гордость.

— Помогите мне переодеться. Расшнуруйте, пожалуйста, корсет, — тихо попросила она слугу, послушно поворачиваясь к нему спиной.

Молодой человек мгновенно густо, до лихорадочного пунцового румянца покраснел до самых кончиков ушей и испуганно замахал руками:

— Что вы, барышня, грех какой! Нет, нет! Я... я лучше хозяина позову! Нам, дворовым, к благородному телу прикасаться не велено!

Выскочив в коридор как ошпаренный, Иван стал громко звать господина. Катерина лишь досадливо, горько вздохнула. Ей до дрожи не хотелось, чтобы этот высокомерный циник снова

прикасался к ней. А от одной только мысли о том, что по закону брака ей когда-нибудь неизбежно придется разделить с ним постель, девушку пробирал леденящий, тошнотворный озноб, странно мешающийся с глухим, пугающим жаром в груди.

Вскоре в комнату быстрой, уверенной поступью вошел Никита. На ходу он небрежно расстегнул верхние пуговицы своего форменного камзола.

— Сударыня, в чём же вам потребовалась моя помощь? — удивленно приподнял он густую бровь, недоуменно и строго глядя на замершего в коридоре растерянного Ивана.

— Помогите мне с платьем. Я сама не справляюсь со сложной, тугой шнуровкой, — как можно холоднее, звенящим от напускного равнодушия голосом попросила Катерина.

Она послушно повернулась к нему спиной, демонстративно выпрямив и без того безупречную, гордую осанку. Никита сделал шаг вперед и подошел вплотную. Между ними не осталось расстояния. Катерина замерла, отчетливо чувствуя его горячее, ровное дыхание на своей внезапно обнажившейся коже. Его близость одурманивала, пахла пороховым, горьким табаком и каким-то диким, чисто мужским магнетизмом.

Граф медленно протянул руку. Его длинные, сильные пальцы коснулись шелковых шнурков, намеренно задевая нежную кожу её спины. Катерина невольно вздрогнула, по её телу пробежала волна колючих мурашек. Сердце девушки предательски забилося где-то у самого горла. Никита тоже на мгновение замер. Его взгляд, обычно холодный и расчетливый, потемнел, скользнув по изящному изгибу шеи пленницы, по её беззащитным хрупким плечам. На секунду в комнате воцарилась удушливая, звенящая тишина, в которой оба слишком отчетливо слышали участвовавшее дыхание друг друга. Между злейшими врагами проскочила живая, обжигающая искра — запретная и порочная.

Никита резко, словно опомнившись от наваждения, дернул за шнурок, возвращая себе привычную маску циничного превосходства.

Его сильные, мозолистые пальцы боевого офицера на удивление ловко принялись за дело. Шелковый шнурок поддался, податливая ткань зашуршала. Тугой корсет наконец ослаб, и дорогое, но безнадежно испачканное платье тяжелой волной съехало вниз. Оно с тихим, шуршащим звуком опало к ногам пленницы, оставив её в одной лишь тонкой, полупрозрачной сорочке.

На мгновение Никита замешкался, словно заколдованный. Затаив дыхание, он медленно, почти невесомо провел тыльной стороной ладони по обнаженной шее Катерины. Мужчина едва касался бархатистой, теплой кожи, но это мимолетное прикосновение обожгло обоих. Затем его пальцы плавно, с пугающим собственническим жестом скользнули ниже, очерчивая изгиб её тонкой, хрупкой руки. По телу девушки мгновенно пробежала сильная, лихорадочная дрожь, а к горлу подкатил ком удушливого омерзения от того, как предательски сладко отозвалось её собственное тело. Лед и пламень сошлись в этой душной комнате.

— Вы не могли бы... отвернуться? — смущенно пробормотала она, чувствуя себя абсолютно беззащитной, и поспешно прижала к груди выданное простое платье из грубого холста.

— Миледи, давайте обойдемся без лишних ужимок и пустого жеманства, — грубо, с ледяным высокомерием оборвал её Никита. Он не отступил от неё ни на шаг, продолжая возвышаться над ней грозной, подавляющей скалой. — Живо натягивайте это рубище, и покончим с этим. У меня совершенно нет времени на то, чтобы флиртовать с вами.

Катерина резко развернулась к нему лицом, в порыве оскорбленного достоинства напрочь забыв о своей наготе. Её щеки пылали багровым румянцем — то ли от невыносимого, жгучего стыда, то ли от закипающей внутри, праведной дворянской ярости.

— Вы! Вы... неотёсанный, черствый грубиян, не знающий ни капли сочувствия, ни христианской милости! — гневно, едва сдерживая слезы унижения и глядя прямо в холодные глаза своего мучителя, выпалила девушка.

— Одевайтесь быстрее. На ваши прелести я не прельщусь, даже не надейтесь, — с откровенным, ядовитым сарказмом заметил он, кривя губы в усмешке. — Хотя... выглядите вы весьма достойно, — цинично добавил Никита, ничуть не теряя своего каменного самообладания и нагло, не спеша рассматривая изящную фигуру пленницы.

— Вы... чудовище! — запинаясь от кипящего негодования и торопливо, путаясь в неприличном подоле, натягивая грубое крестьянское платье, бубнила девушка.

Ткань больно, безжалостно колола кожу после нежного заграничного шелка, напоминая о её новом, рабском положении. Кое-как накинув серый сарафан, она круто повернулась к нему спиной, едва не задохнувшись от переполнявшей её ненависти.

— Застёгивайте! — властно приказала она, содрогаясь от омерзения при мысли о новых прикосновениях. — Надеюсь, я вас больше никогда в своей жизни не увижу! Горите в аду, чудовище!

— Всего доброго, миледи. Иван, смотри за ней в оба глаза, — сухо бросил граф, даже не повернув головы.

Он стремительно, чеканным шагом вышел из комнаты. А вскоре из открытого окна донесся глухой, удаляющийся стук копыт по кремню — Никита спешно ускакал по мрачным делам Тайной канцелярии.

Катерина замерла посреди комнаты. Внезапно нахлынувшая тишина показалась ей удушливой. Она растерянна, с неосознанной обидой уставилась на замершего у порога Ивана:

— Он что... действительно уехал? Просто так взял и уехал?

— Да, сударыня, — покорно кивнул слуга. — И, скорее всего, сегодня граф уже не вернётся. У них служба государева, строгая.

— Очень хорошо! Скатертью дорога! — поспешно, чересчур громко воскликнула Катерина, пытаясь скрыть глубокий укол уязвленного девичьего самолюбия.

Внутри неё всё клочкотало от злого, горького разочарования. Ей, признанной красавице, перед которой еще месяц назад на балах и светских ассамблеях преклоняли колени лучшие кавалеры губернии, было невыносимо осознавать, что этот неотесанный сухарь оставил её так легко. За ней всегда бегали толпами, ловили её малейшую улыбку как высшую награду, стихи посвящали! Ни один мужчина в мире не смел обращаться с ней как с надоедливой вещью, от которой спешат поскорее избавиться. А этот палач... он нагло раздел её, коснулся кожи, заставив сердце трепетать, а потом просто развернулся и ушел, словно она была безликой дворовой девкой! Этот равнодушный уход оскорбил её едва ли не сильнее, чем плен.

— И что мне теперь делать прикажешь? — резко, скрывая внутреннюю бурю, спросила она.

— Господин велел привести весь дом в полный порядок, — смущённо переминался с ноги на ногу слуга, робко пряча глаза. — Сказали, чтобы вы полы в господской половине вымыли и на кухне посуду прибрали...

— Кто?! Я?! — Катерина возмущенно всплеснула руками, едва не задыхаясь от нахлынувшей спеси. — Я буду у этого бездушного грубияна здесь порядки наводить?! Грязь за ним выскребать?! Да никогда в жизни!

Однако время без дела тянулось невыносимо, мучительно долго, постепенно превращаясь в настоящую, пыточную вечность. Катерина неприкаянно обошла весь пустой, затихший дом, брезгливо разглядывая неопрятные углы. Наконец она вернулась на просторную господскую кухню к замершему в нерешительности слуге.

— Что ж, чтобы хоть как-то скоротать эти душные часы и не сойти с ума, я помогу навести здесь порядок, — высоко вскинув подбородок, гордо и надменно заявила девушка. — Только передашь своему неотесанному, грубому господину: я делаю это исключительно от нестерпимой скуки, а не по его рабскому, незаконному требованию!

— Как скажете, барышня, — по-доброму, облегченно улыбнулся Иван, искренне радуясь, что знатная узница наконец отвлеклась от горьких, безутешных слез.

Девушка решительно принялась за работу. Дел в недавно отстроенном, запущенном доме предстояло невероятно много. Кругом на резных дубовых панелях лежал толстый, серый слой пыли и засохшей дорожной грязи. Уж чего-чего, а такого жуткого, варварского беспорядка чистоплотная, привыкшая к безупречной роскоши дворянка терпеть не могла. Наведение чистоты стало для неё своеобразной мстостью — она стирала из этого дома сам дух его хозяйина.

Катерина начала яростно отмывать верхние парадные комнаты. Высоко подпоясав грубый холщовый сарафан и обнажив тонкие запястья, она на удивление ловко срывала со стен тяжелые, запылённые бархатные портьеры. Пленница без зазрения совести заставляла Ивана без конца таскать полные ведра, греть ключевую воду в печи да замачивать плотную, жесткую ткань в больших деревянных корытах.

Вывесив выстиранные шторы сушиться во двор, Катерина принялась с яростным ожесточением выколачивать палкой пыль из тюфяков и массивных кроватей. Расправившись с этой вековой грязью, она сама, на коленях, дочиста протёрла широкие дубовые полы. Затем заново застелила постели свежим хрустящим бельем и помогла притомившемуся Ивану повесить обратно уже сухие, благоухающие чистые шторы. Мрачный дом преобразался на глазах, наполняясь непривычным, теплым уютом.

Казалось, молодой и привыкший к неспешной жизни слуга устал от такой бешеной, изнурительной работы намного больше, чем сама хрупкая, подгоняемая злостью Катерина. Он с явной опаской и благоговением поглядывал на неё из угла. Парень всерьез боялся, как бы эта неумная, одержимая барышня с повадками великой княгини не дала ему ещё какое-нибудь непосильное, каторжное поручение.

— Уф, что-то я совсем выбилась из сил и жутко хочу есть, — Катерина устало присела на край деревянного стула и перевела дух, обмахиваясь раскрасневшейся рукой. — Что у нас сегодня на обед, любезный?

— Что сами приготовим, то и будет, — виновато начал оправдываться молодой человек.

В его голосе на миг проскользнуло лёгкое мужское раздражение: что и говорить, усердно гнуть спину с утра до ночи под началом требовательной дворянки он не слишком любил.

— Я же с вами, сударыня, весь день по комнатам таскаюсь! Мне и состряпать-то к сроку ничего некогда было, печь до сих пор не топлена!

Катерина со вздохом покачала головой, чувствуя, как аристократический голод берет верх над манерами:

— Ладно уж, горе-помощник, пойдём. Покажешь, что из съестных припасов в закромах у вашего грозного графа вообще имеется.

Ради такого исключительного случая Иван быстро забил во дворе жирную утку и искусно запек её в печи с сочными, ароматными наливными яблоками. Молодые люди, напрочь позабыв о сословных различиях, устроили себе настоящий роскошный пир. Они без малейшего зазрения совести позарились даже на личный винный погреб строгого хозяина — Иван принес оттуда запыленную бутылку выдержанного заграничного вина.

После очередного серебряного кубка Катерина наконец полностью расслабилась. Леденящее напряжение последних дней постепенно отпустило её, приятная, теплая нега разлилась по уставшему, исплаканному телу. В этот миг обычное женское любопытство взяло верх над девичьей осторожностью.

— Вот расскажи мне, Иван, — тихо, вкрадчиво начала она, подперев миловидную щеку ладонью и загадочно глядя на парня сквозь пляшущее пламя свечи. — Ты ведь тоже здесь, в этом глухом, отрезанном от мира доме, находишься не по своей воле? Неужели этот неотё-

санный, злой мужлан силой заставил тебя себе прислуживать и безропотно терпеть его дикий, звериный нрав?

— Нет, сударыня. Вы тут в корне не правы, — хмельно качнул головой молодой слуга, аккуратно ставя опустевший кубок на дубовый стол. — Когда мне едва исполнилось тринадцать лет, я в один черный день лишился вообще всех своих родных. Круглым сиротой на улице остался, по миру побирался, Христа ради просил. А господин Никита Николаевич тогда сам еще совсем юн был, но сжалился надо мной, сирым. Обогрел, отмыл и взял к себе на честную службу. Сначала-то я жил припеваючи в богатом доме его родного дяди. А как подрос немного, да как Никита Николаевич важные чины заслужил и отстроил это загородное поместье, он сразу забрал меня к себе. Так что я ему по гроб жизни обязан, он истинный мой спаситель.

Катерина внимательно, затаив дыхание, выслушала его бесхитростный рассказ. В груди её шевельнулось странное, двоякое, пугающее чувство. Значит, этот безжалостный палач, нагло похитивший её среди ночи, когда-то умел проявлять искреннее, глубокое сострадание к обездоленным?

Образ врага треснул, являя её взору живого, сложного и оттого еще более опасного мужчину.

— Иван, я всё-таки никак не могу взять в толк... — тихо, почти шепотом спросила она, наклоняясь ближе, так что аромат её распущенных волос коснулся лица парня. — Для чего я здесь заперта? Зачем я, обычная барышня, вообще ему понадобилась?

— Госпожа, вот этого я, видит бог, не ведаю, — честно и открыто признался парень, едва ворочая отяжелевшим языком.

От выпитого крепкого заморского вина из барских закровов слугу вдруг начала пробирать глухая, частая икота. В глазах Ивана заметно помутилось, голова налилась свинцом, и его окончательно, бесповоротно разморило после изнурительного трудового дня. Кое-как привалившись спиной к теплой бревенчатой стене кухни, Иван сладко зевнул, прикрыл глаза и в ту же минуту заснул крепким, богатырским хмельным сном. Тюремщик из него теперь был никакой, а ключи от заветной свободы стали легкой добычей.

Катерина, чувствуя, как по венам разливается безудержное, дерзкое ликование, поспешно осушила до дна ещё один серебряный кубок. Терпкий хмель мгновенно ударил в голову, напрочь выметая остатки парализующего страха и даруя изнеженной девушке совершенно безумную, шальную, чисто дворянскую храбрость. С твёрдой, непреклонной решимостью во что бы то ни стало выбраться из этого капкана, она триумфально выпрямилась, победоносно вскинула подбородок и направилась напрямик к главному выходу на улицу.

Каждый её шаг теперь был наполнен горделивой спесью признанной королевы, переигравшей своего палача.

«Я покажу этому высокомерному, спесивому деспоту, чего я стою на самом деле! — в душе отчаянно, победно ликовала Катерина, глотая пьяные слезы гордости и превосходства. — Думал сломить меня грубым холстом и грязными полами? Не на ту напал! Как же этот проклятый, самоуверенный негодяй удивится, не найдя меня здесь ранним утром! Его изощренный план рассыплется в прах по вине девчонки, которую он посчитал слабой. Господи, как бы я хотела хоть одним глазком поглядеть на разочарованное, перекошенное от бессильной ярости лицо этого царского недоноска!»

Слегка шатаясь на непривычно грубых каблуках жестких холщовых туфель и отчаянно придерживаясь руками за прохладные дубовые колонны просторных сеней, она со второй попытки с трудом распахнула тяжелую входную дверь. Из глухой темноты двора маняще пахнуло ночной прохладой и сыростью. Катерина сделала решительный шаг вперед, навстречу желанной свободе, — и тут же, потеряв равновесие на пороге, рухнула прямо в крепкие, стальные объятия внезапно вернувшегося графа.

— Это... это вы?.. Что вы здесь делаете? — только и смогла испуганно вымолвить окончательно опешившая Катерина, застыв в его руках.

— Боже мой, да от вас, миледи, за версту разит моим лучшим французским вином! — зловеще, но без прежней леденящей злобы усмехнулся Никита.

Его опаляющее дыхание коснулось её губ. Он легко, точно пушинку, подхватил захмелевшую девушку на свои широкие, надежные руки, не позволяя ей упасть в дорожную грязь.

— Вы, я гляжу, просто замечательно проводите время в моё отсутствие. И дом до блеска прибрали, и погреба мои фамильные подчистили. Прилежная служанка, ничего не скажешь.

Катерина в этот миг была абсолютно не в силах ни яростно противиться, ни гордо протестовать. Пьянящий, дурманивший туман полностью окутал её уставший разум, отнимая остатки воли. Напрочь забыв в эту секунду и о жгучей ненависти, и о неискупленной смерти матери, она чисто интуитивно, повинаясь какому-то древнему женскому инстинкту и ища защиты от ночного холода, крепко обвила тонкими руками его мускулистую шею.

Девушка всем телом преданно, беззащитно прижалась к своему мучителю, утыкаясь носом в его суконовый кафтан, пахнувший пороховым, ветром, конями и дорогим табаком. В этом жесте не было покорности — была лишь внезапная, порочная слабость перед лицом неодолимой мужской силы. Никита на мгновение напрягся, его руки сжались сильнее, прижимая её к груди почти до боли, а в глазах графа полыхнуло темное, хищное пламя.

Никита молча, с тяжелым, прерывистым вздохом поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Он занес полусонную девушку в её новую светлую комнату и бережно уложил на мягкую, хрустящую постель. Его сильные пальцы на удивление ловко и быстро распустили тугую шнуровку крестьянского сарафана. Помогая ей сбросить тяжелый подол, он укутал пленницу теплым пуховым одеялом и устало опустился на самый край кровати, не на шутку вымотавшись на тайной государственной службе.

— Вы... вы невозможный, страшный человек! Я вас всей своей душой презираю! — повернувшись к нему на бок и глядя на графа сквозь плывущий перед глазами хмельной туман, капризно, совсем по-детски пролепетала Катерина.

Она попыталась было грозно погрозить ему хрупким кулачком, отстаивая остатки своего дворянского достоинства. Но в этот момент тонкая шелковая сорочка предательски соскользнула с округлого плеча, оголяя нежную белую кожу и соблазнительный изгиб груди.

Никита на секунду замер, перестав дышать. Взгляд его мгновенно потемнел, наполнившись густым, опасным мраком. Он осторожно, едва прикасаясь, потянул за скользкую бретельку, возвращая сорочку на место.

— И что мне теперь с тобой делать, егза? — негромко, словно у самого себя, спросил он, неотрывно всматриваясь в её красивое, лихорадочно покрасневшее лицо. — С одной стороны, мне ведь искренне, по-человечески жаль тебя, безвинную душу. Но как иначе... как иначе мне заставить твоего подлого отца во всем признаться и выдать Тайному приказу свои черные заговоры?

Он ласково, с непривычной, пугающей его самого нежностью поправил растрепанный темный локон, упавший на её теплую щеку. А затем его сухой, мозолистый палец медленно, едва ощутимо провел по её пухлым, зовущим губам и плавно спустился к беззащитной, трепещущей шее. Катерина судорожно вздохнула, но не отстранилась, окончательно согреваясь в лучах его внезапного, обжигающего тепла.

Девушка замерла, словно окаменев под этим гипнотическим, сводящим с ума прикосновением. Вся её былая ярость и напускная спесь вмиг куда-то испарились, оставив лишь звенящую пустоту. Она неотрывно, как замороженная, вглядывалась в его резкие, мужественные черты в зыбком полумраке комнаты и судорожно, медленно облизнула пересохшие губы, ожидая чего-то неизбежного, рокового и пугающего.

— Вы ужасный, страшный человек... — уже совсем тихо, едва слышно, без прежней звенящей злости выдохнула она свои извечные обвинения, которые теперь звучали скорее как мольба о пощаде. — Жестокий, бесчувственный тиран...

Не в силах больше выносить соблазнительного, манящего вида и дразнящей близости хмельной пленницы, Никита окончательно потерял контроль. Одним резким, мощным движением он привлек её податливое, трепещущее тело к себе и властно, обжигаяще впился в её губы поцелуем.

Катерина в самую первую секунду попыталась было по привычке заупрямиться, защищая остатки девичьей чести. Она запустила свои пальцы в его густые, растрепанные волосы, уперлась ладонями в широкую, твердую как гранит грудь, тщетно пытаясь оттолкнуть от себя эту безумную лавину страсти. Но её робкий протест длился совсем недолго. Полностью подчинившись ночному порыву и дурманящему винному хмелю, девушка шумно вздохнула и ответила на этот греховный, запретный поцелуй.

Она отчаянно, до боли в суставах прижалась к молодому человеку, ища спасения от терзавшего её леденящего одиночества и страха. И этот неожиданный, жаркий ответ стал для Никиты самой настоящей, упоительной и одновременно мучительной пыткой, сжигающей дотла все его хладнокровные планы.

— Мадам, вы вдобавок ко всему мертвецки пьяны! — с огромным трудом, хрипло и тяжело дыша, отстранился наконец от неё граф. Он отчаянно пытался взять себя в руки, воззвать к остаткам трезвого разума и чести. — Вы же сама завтра поутру будете горько, безутешно жалеть о содеянном! Вы проклянете меня с новой силой!

Но Катерина уже окончательно вошла во вкус этой опасной игры. Целоваться с этим надменным, диким и пугающе сильным человеком ей понравилось до дрожи в коленях, до сладостного умопомрачения. В её целомудренном, неизбалованном теле один за другим просыпались тайные, запретные и властные желания. В порыве то ли безумной, ослепляющей страсти, то ли хмельного угара она неистово, вопреки всякому здравому смыслу хотела поддаться им прямо сейчас.

Её законный жених Илюша по сравнению с этим широкоплечим, дышащим первобытной силой мужчиной казался теперь просто милым, беспомощным и невыносимо скучным котёнком. Совершенно не вслушиваясь в тихие, предостерегающие слова своего похитителя, Катерина сама, со звучным хмельным смешком, вновь повисла на его мускулистой шее. Она упрямо, капризно подставляла свои припухшие, пылающие губы для нового, еще более глубокого поцелуя.

Никита больше не смог бороться с собой. Легендарный железный самоконтроль сурового главы Тайной канцелярии рухнул, разлетевшись вдребезги в одно мгновение. Он ответил на этот дерзкий, манящий призыв со всей накопившейся в его израненной душе неистовой страстью и глухим одиночеством. Пленница учащенно, прерывисто задышала, чувствуя, как мир вокруг окончательно теряет очертания. Она крепко, до боли впила ногтями в его густые темные волосы — ей безумно, отчаянно хотелось продолжения этой греховной ночной магии, стирающей прошлое и будущее.

Под таким отчаянным, пленительным натиском Никита окончательно сломался, безвольно сдавшись на милость своей победительницы. Отдавшись внезапной, бурной и всепоглощающей страсти, он провёл с Катериной всю эту безумную, греховную ночь до самого рассвета.

«Будь что будет! — лихорадочно думал он в зыбком полумраке, иступленно сжимая её в своих крепких объятиях. — Всё равно наши дороги рано или поздно навсегда разойдутся. Всё равно она станет люто ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь за смерть матери и перенесенный позор. Так пусть эта ночь безраздельно принадлежит только нам».

Но Катерина в эти минуты получала поистине несказанное, сладостное удовольствие. Ей было совершенно безразлично, что принесет с собой суровое, неумолимое утро. Этот дикий,

опасный мужчина дарил ей неведомое доселе блаженство, от которого кружилась голова и сладко замирало сердце. Её податливое, истосковавшееся по ласке тело под его умелыми, сильными руками чутко отзывалось на каждое горячее прикосновение. Оно трепетало, словно натянутые струны дорогой заграничной лютни, рождающие чарующие, созвучные страсти аккорды.

Это было восхитительно и пугающе. Никиту теперь нельзя было даже близко равнять с её законным женихом. Илья на фоне графа казался лишь бледным, неопытным юнцом, сущим сопляком по сравнению с этим искушенным, властным и уверенным в себе мужчиной. Катерина полностью, без остатка растворилась в этой стихийной ночной буре.

Наконец, когда первые предрассветные лучи робко коснулись высоких оконных стекол, девушка застыла в полном, изнеможенном блаженстве. Она нежно, словно ласковая кошка, прильнула всем телом к его широкой, мерно вздымающейся груди и забылась глубоким сном.

— Хотя я вас по-прежнему искренне, всей душой ненавижу... это было чудесно, — едва слышно, в полузабытии пробормотала Катерина, закрывая глаза и окончательно проваливаясь в глубокий, спасительный сон.

Никита тихо усмехнулся, слушая её безмятежное сонное дыхание. Он крепче прижал к себе свою прекрасную, беззащитную пленницу, упиваясь её живым, доверчивым теплом. Но сам граф ещё очень долго не мог сомкнуть глаз. Он неподвижно лежал в предрассветном полумраке, отрешенно глядя в потолок и напряженно продумывая до мельчайших, опасных деталей план дальнейших шпионских действий против её отца.

«Ах, милое, строптивое создание... Ты меня презираешь и проклинаешь, но твоё тело уже принадлежит мне, — мрачно думал он, всматриваясь в её расслабленное, очистившееся от гнева лицо. — И что же мне теперь, грешному, делать с тобой? Как уберечь тебя от той бури, которую я сам же и призвал на твою голову?»

Поздним, душным утром Катерина резко открыла глаза. Хмель полностью, безвозвратно выветрился из головы, и девушка, мгновенно вспомнив все постыдные детали прошедшей бурной ночи, густо, до самых кончиков ушей залилась пунцовой краской. Настоящий, обжигающий пожар жгучего стыда опалил её бледные щеки, заставив сердце панически забиться в груди.

«Какой невысказанный позор! Какой страшный, несмываемый грех перед памятью матушки! Господи помилуй, как я теперь буду смотреть в холодные глаза этому бесчувственному человеку?! Боже мой, Боже, что я, безумная, натворила!» — в диком ужасе и душевном расколе думала она, заламывая тонкие пальцы.

Ей хотелось сию же минуту сквозь землю провалиться. Катерина с головой накрылась тяжелым пуховым одеялом, малодушно прячась от безжалостного, яркого солнечного света, который словно обличал её падение.

В этот момент в дубовую дверь комнаты негромко, деликатно постучали. В образовавшую щель робко заглянул заспанный, замученный вчерашней уборкой Иван:

— Катерина, сударыня, просыпайтесь! Уже ясный день на дворе, у нас с вами сегодня опять много работы по дому.

— А где... где этот деспот?! Я не хочу, я не вынесу встречи с ним! — в паническом смятении и мучительном смущении почти выкрикнула пленница из-под своего надежного укрытия.

— Господин Никита Николаевич рано утром, ещё задолго до рассвета, уехал в Тайный приказ, — поспешил по-доброму успокоить её верный слуга. — Сказал, чтобы сегодня до самой глухой ночи его дома не ждали. Служба у них нынче суровая-с.

— Ох, слава тебе Господи! Как хорошо-то... — Катерина с глубоким, искренним облегчением выдохнула и наконец нерешительно скинула с лица одеяло, глотая живительный воздух. — Я... я очень голодна, Иван. Начнем уборку, но только после сытного завтрака. И ради всего святого — никакого вина! Больше ни единой капли!

— Уж в этом-то будьте совершенно спокойны, барышня. Хозяин меня сегодня на самом рассвете так страшно отчитал за разоренный винный погреб, что я теперь туда ни-ни, близко не подойду, — угрюмо и обиженно заметил молодой человек, судорожно пожимая плечами и вспоминая тяжелый, свинцовый взгляд графа.

Девушка от новой вспышки стыда снова на секунду спряталась под пуховое одеяло. Её щеки буквально горели от невыносимого, удушающего смущения. Проклятье! Никита всё понял. И как ей теперь, скажите на милость, приватно объясняться с этим человеком? Впрочем, какое же это несказанное счастье, что сегодня она избавлена от встречи со своим мучителем и порочным любовником.

Катерина торопливо облачилась в скромный крестьянский сарафан, наскоро причесала растрепанные иссиня-черные волосы и торопливым, шуршащим шагом спустилась по деревянной лестнице вниз. Ей отчаянно хотелось поскорее загрузить себя тяжелой физической работой, чтобы безжалостно вытравить из головы навязчивые, сладостные воспоминания о ночных ласках графа.

Однако, стоило ей переступить порог просторной, залитой солнцем гостиной, как она замерла на месте от глубокой неожиданности. К её искреннему изумлению, в комнате, вольготно и по-хозяйски расположившись в глубоких креслах, находились двое незнакомых, статных мужчин в строгих военных кафтанах. Один из них, упитанный и коренастый, лениво жевал сушку, шумно запивая её чаем, а второй, подтянутый, с тонкими, хищными чертами лица, внимательно изучал какие-то бумаги с сургучными печатями Тайного приказа.

Катерина вопросительно, с замиранием сердца посмотрела на сопровождавшего её Ивана. Кто эти люди? Неужели новые палачи, присланные довершить её погибель?

— Не пугайтесь, Катерина... сударыня. Эти господа, офицеры канцелярии, временно погостят у нас в поместье. Господин назначил их для обеспечения вашей личной... безопасности, — поспешно, немного запинаясь, пояснил слуга.

Он виновато перевел взгляд на притихших военных, понимая, насколько фальшиво звучит это оправдание. Максим и Кирилл одновременно подняли головы и пристально уставились на девушку, ради которой они всю ночь, не жалея коней, скакали по весенней грязи.

— Пойдемте откушаем на господской половине, — поспешил разрядить обстановку Иван.

Он радушным, но слегка суетливым жестом пригласил нежданных гостей и застывшую Катерину пройти в просторную, пахнущую деревом столовую.

«Ну да, конечно, просто гостят они здесь! Обычные мирные постояльцы! — горько, с глубокой обидой на саму себя корила в мыслях пленница, покорно шагая по коридору. — Приставил этот изверг своих верных, цепных ищеек. Будут теперь тенью по пятам ходить, стеречь каждый вздох. Следить, чтобы я из этого проклятого капкана на свободу не вырвалась... Господи милосердный, да как же я могла так слепо, так безумно довериться этому человеку?! Глупая, наивная девчонка, предавшая память матушки... что же ты натворила этой ночью...»

— Ну наконец-то, слава тебе Господи! А то я от этих столичных допросов уже с голоду тут заживо помираю, — громогласно и радостно буркнул упитанный Кирилл.

Он первым бесцеремонно зашел в столовую, шумно втягивая носом упоительные ароматы свежее испеченного хлеба. За свою неумную, не к месту проявленную прыть толстяк тут же удостоился очередного ледяного, презрительного взгляда от шагнувшего следом Максима.

— Что?! — обиженно протянул коренастый офицер.

Он обернулся к верному товарищу с искренним недоумением. Кажется, Кирилл действительно не понимал, чем опять провинился перед строгим напарником.

— Ты, Кирилл, кроме как о сытной еде, можешь вообще в своей жизни о чём-нибудь дельном думать? — вполголоса, с раздражением проворчал Максим.

Он аккуратно присел на тяжелый деревянный стул, привычным движением поправляя португую.

— Ну... Хорошо бы ещё поспать часиков пять на перине, — сладко потягиваясь всем своим массивным, богатырским телом, лениво и беззаботно парировал Кирилл.

Максим лишь обречённо покачал головой. Он проследовал за Иваном к накрытому столу, изо всех сил стараясь лишний раз вообще не смотреть на бледную, притихшую девушку. Офицеру Тайного приказа было невыносимо, до глухой душевной боли стыдно перед этой беззащитной благородной барышней, которую они стерегли как добычу.

Перед его глазами до сих пор в мельчайших деталях стоял тяжелый, предрассветный разговор с Никитой. Граф вернулся со двора сам не свой. Он пребывал в полнейшем, диком смятении — в таком пугающем хаосе мыслей, какого Максим не видел у своего командира со времен самых жестоких и кровавых полтавских сражений.

«Максим, брат ты мой... Я тут таких страшных, непоправимых бед наворотил! Чистый бес попутал, душу сгубил!» — хрипло воскликнул тогда граф, едва переступив порог своего судейского кабинета.

Он в панике сорвал с широких плеч суконный кафтан и в ярости швырнул его прямо на дубовый пол.

«Что случилось, друг мой? Да на тебе лица нет, ровно мертвец! Говори толком!» — не на шутку встревожился Максим, мгновенно поднимаясь навстречу командиру и вглядываясь в его перекошенное от тайного позора лицо.

«Вчера я вернулся за полночь. И представь: прямо в мои объятия падает эта строптивая девчонка! Хотела тайно улизнуть из поместья. Мало того — она была в стельку пьяна!» — лихорадочно, срывая голос на шепот, выдыхал Никита, ожесточенно взъерошив волосы.

«Ну и?..» — встревоженно и нетерпеливо перебил его соратник, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного, липкого предчувствия.

«Ну... отнёс её в покои и просто не удержался, понимаешь? Она была так невыносимо, порочно соблазнительна. Да и сама... сама оказалась совсем не против, ответила на поцелуй...»

«Господи помилуй! Ты поддался греховному порыву?! Да это же чистейшее безумие, Никита, крах всему!» — Максим в подлинном ужасе всплеснул руками, шагнув назад.

«Вот-вот. Теперь ума не приложу, как быть дальше. Мне нужно срочно уехать в приказ, остыть, собрать воедино разбитые мысли. А ты пригляди тут за ней и за домом, умоляю», — с этими путанными, сумбурными словами Никита спешно покинул судейский кабинет, с грохотом захлопнув за собой тяжелую дверь.

Максим тогда так и остался стоять посреди пустой комнаты, совершенно ошарашенный и опустошенный. Что за сумасшествие творится в этих стенах? Настоящий, безумный водевиль, пахнувший порохом и тайной страстью, не иначе!

Из этого тяжелого, гнетущего воспоминания Максима внезапно выдернул тихий, робкий стук серебряной ложки. За столом Катерина тем временем украдкой, сквозь густые, подрагивающие ресницы поглядывала на погруженных в молчание мужчин. Что ж, её хитрый план с ночным побегом окончательно провалился в тартарары, разбившись о суровую реальность. Этот деспотичный граф оказался куда коварнее, чем она предполагала: приставил караулить своих верных, цепных приспешников, готовых выполнить любой его жестокий приказ. Bravo, граф, bravo! Думаешь, ты победил?

Катерина мысленно снова и снова возвращалась к событиям прошедшей греховной ночи, и этот порочный круг воспоминаний причинял ей почти физическую боль.

«И что меня в нём так безумно влекло? Я просто была мертвецки пьяна, только и всего! — судорожно убеждала она сама себя, до хруста ломая под столом тонкие пальцы. — Как вообще можно было возжелать своего злейшего врага, бездушного палача? Бред! Дикая,

постыдная чушь! Это всё проклятое заморское вино виновато. Ну и угораздило же тебя, Катерина... Видела бы тебя сейчас несчастная матушка».

Мама... При одной только мысли о покойной родительнице у пленницы перехватило дыхание, а к горлу подступил удушливый ком. Вспомнив, что уже завтра состоятся похороны, а она, законная дворянка, заперта в чужом, холодном доме и даже не может по-человечески отдать последний долг и навсегда попрощаться с самым близким, родным человеком, Катерина беззвучно разрыдалась. Она украдкой, мимолетным движением смахнула горькую, обжигающую слезу, моля Бога, чтобы бдительные офицеры Тайного приказа ничего не заметили.

Кое-как поблагодарив Ивана за сытный, но ставший поперек горла завтрак, она решительно поднялась, вышла из-за стола и снова с лихорадочным ожесточением принялась за грязную работу. Ей жизненно необходимо было изнурить свое тело, чтобы отчаянно, силой отогнать прочь эти мрачные, удушающие думы.

К самому полудню, окончательно выбившись из сил и до крови содрав нежные, неприличные к труду ладони, несчастная пленница бессильно опустилась на прохладные ступени широкой деревянной лестницы. Она сиротливо обхватила колени руками и тяжело, надрывно вздохнула, глядя перед собой застывшим, опустошенным взглядом.

— Сударыня, вам... быть может, чем-то помочь? — искренне, без тени прежнего офицерского высокомерия поинтересовался тихо подошедший Максим.

Он всё это долгое время, затаив дыхание, внимательно наблюдал за ней из тени коридора, втайне поражаясь её нестигаемой, истинно дворянской стойкости.

— Помогите мне сбежать из этого проклятого места, — усталым, совершенно надломленным и тихим голосом произнесла Катерина, даже не поднимая на него воспаленных от слез глаз. — Я так не хочу, я просто физически не переживу новой встречи с безжалостным хозяином этого дома...

— Смею вас в этом искренне обрадовать: сегодня он точно сюда не вернётся, — слегка, понимающе усмехнулся молодой человек, сочувственно глядя на измученную барышню.

— Это ещё почему? — искренне удивилась девушка.

Она наконец подняла голову и устремила на Максима прямой, испытующий взгляд своих больших, бездонных темных глаз.

— Появились новые, весьма важные и неотложные государственные дела в городе, сударыня. Из Тайного приказа спешный нарочный прискакал, — спокойно пояснил Максим.

— Дела, значит... Опять его проклятые дела! — Катерина внезапно почувствовала, как внутри её израненной груди вновь вспыхнула жаркая, колючая и злая обида.

Её безумно, до глубины души ранило такое явное, ледяное равнодушие графа к её истерзанной персоне. Значит, наизнанку всю её жизнь вывернул, безжалостно в постель уложил, лишив чести, а на рассвете просто ускакал по своим Тайным канцеляриям, словно ничего и не бывало?! Обошелся с ней, законной дворянкой, как с обычной, безликой дворовой девкой, чьи слезы ничего не стоят!

— Что ж! Раз у вашего благородного графа дела, то и у нас дела найдутся! — Катерина резко поднялась со ступени, высоко и победоносно вскинув подбородок. — В таком случае отнесите, будьте так любезны, весь этот хлам Ивану на кухню. Он твердо обещал мне сегодня всё это дочиста выстирать.

С этими словами она решительно сунула в руки боевому офицеру Тайной канцелярии огромный, тяжелый ворох грязного постельного белья. Максим, с трудом сдерживая широкую улыбку от столь отчаянной девичьей дерзости, вежливо поклонился и безропотно отправился выполнять это чисто бабское поручение. Гордая дворянка даже в рубище оставалась госпожой, укрощающей мужчин одним лишь взглядом.

В это самое время слуга Иван всюду суеился на жаркой кухне. Он с грохотом переставлял пустые чугунки и без конца гремел железными ухватами у печи, изо всех сил усердно изоб-

ражая перед зашедшим Кириллом бурную, изнурительную деятельность. Простодушный паренек шел на любые хитрости, лишь бы строгая барышня Катерина не нашла для него сегодня ещё какое-нибудь каторжное поручение по дому.

Но стоило ему обернуться на скрип двери и увидеть входящего Максима с огромной, едва помещающейся в руках горой нестиранного полотна, как молодой слуга мгновенно побледнел, а ухват со звонким стуком покатился по полу.

— Что, опять?! Господи помилуй! — в подлинном ужасе запричитал Иван, прижав натруженные руки к груди. — Да когда же, за какие такие грехи всё это кончится?! Мы же только поутру тяжелые шторы вешали!

— Не ной, греховодник. Меньше слов — больше дела. Забери этот ворох и живо принимайся за работу, пока вода в котлах не остыла, — сухо буркнул Максим, безжалостно сваливая простыни прямо на руки несчастному парню.

Как же ему, кадровому военному, до смерти надоело быть нянькой и миротворцем для всех в этом сумасшедшем доме! Офицер круто развернулся и быстрыми, размашистыми шагами вышел вон из душной, пахнувшей горелым салом и чадом кухни.

Внутри у Максима всё буквально кипело и клокотало от глухой, яростной злости. Когда уже наконец вернется из города граф Кречетов? Это томительное, удушающее ожидание дальнейших приказов и полное, бессмысленное бездействие в четырех стенах загородного поместья потихоньку сводили его с ума.

Никита ввязался в смертельно опасную, шпионскую дуэль с высокопоставленными заговорщиками — на Полтавском поле под шведскими пулями он так не рисковал! Потом совершил это совершенно безумное, дикое прегрешение со знатной пленницей в спальне... А расхлёбывать всю эту кашу, караулить девицу и сидеть на пороховой бочке, которая могла рвануть в любую секунду, теперь приходилось им с ленивым Кириллом. Если Крагин или Догодькин прознают, прятки кончатся — быть тогда беде великой, Тайный приказ им этого не простит.

Глава 4

Никита уныло, шагом ехал верхом к загородному дому своего дяди. Поначалу его хладнокровный план с похищением барышни Крагиной выглядел просто блестяще. Но теперь, ввиду непредвиденных, греховных и жутких обстоятельств прошедшей ночи, всё обернулось сущим кошмаром. Что делать дальше, он, признаться, совершенно не знал.

Какое именно отношение Семён Иванович Крагин имел к давнему, загадочному убийству его отца, генерала Кречетова? В чём заключался тайный интерес самого Догодькина и всей этой скользкой столичной клики? Долгая, изнурительная слежка Тайного приказа особых результатов так и не принесла. Вместе этих заговорщиков видели крайне редко, да и то лишь на чинных семейных обедах. А Илюша, изнеженный сынок Догодькина, и вовсе казался недалёким, глуповатым юнцом — он-то в грязных, кровавых делах своего родителя уж точно не участвовал. Ах, как же Никите хотелось одним махом разрубить этот гордиев узел и навсегда покончить с окружающим его светским лицемерием!

Молодой граф вошел в просторный, пахнувший пчелиным воском и дорогим заморским табаком дом. Тяжело вздыхая, он уселся в глубокое вольтеровское кресло и в полном душевном изнеможении обхватил голову руками.

— Сынок, давно ты тут сидишь? — тихо спросил Николай Иванович, ласково положив ладонь на широкое плечо племянника.

— Не знаю... Я просто смертельно устал, дядя, — глухо отозвался Никита, так и не поднимая воспаленных глаз.

— Да уж, выглядишь ты неважно. На тебе буквально ровно мертвец застыл, — понимающе вздохнул старик. — Может, отдохнёшь с дороги, поспишь часок-другой, а уже потом мы спокойно, без суеты обо всем потолкуем?

— Да, пожалуй. Я не против. Пойду к себе в прежние покои.

— Ступай, ступай, — кивнул Николай Иванович. — Меня как раз через спешного нарочного срочно вызвали во дворец, к самому государю Петру Алексеевичу. Вернусь ближе к закату, вот вечером за чаркой обо всём и переговорим.

Никита утвердительно кивнул и отправился отдыхать. Растянувшись на просторной перине в своих прежних покоях, молодой граф испытал непередаваемое, умиротворяющее блаженство. Стоило ему повернуться на бок, как он мгновенно провалился в глубокое, беспмятное забытие без каких-либо тревожных сновидений — изнуренное тело наконец взяло свое.

Николай Иванович вернулся из царского дворца ближе к сумеркам. Вся семья дружно собралась за вечерней трапезой в большой, залитой мягким светом свечей столовой. Любящая тётушка Мария Петровна всю обхаживала дорогого племянника. Со всей своей материнской, неистраченной заботой она истово старалась накормить его посытнее.

— Тётушка, пощадите! Я более не в силах! Смилюйтесь! — со смехом воскликнул Никита, шутливо выставив ладони в знак протеста против очередной порции домашних яств.

— Кушай, кушай, сынок! Чем там может потчевать тебя твой Ванюшка в загородной глуши? — причитала женщина, настырно подкладывая ему в тарелку лучший кусок запеченного окорока. — Посмотри на себя, батюшка: одни кожа да кости остались от этой твоей каторжной государевой службы, в чём только душа держится!

Николай Иванович, глядя на эту забавную домашнюю картину, едва сдерживал добродушную улыбку.

— Мария, побойся Бога, ты же его просто раскормишь до неприличия, кафтаны трещать начнут! — весело покачал он седой головой.

Женщина возмущенно, с напускной обидой посмотрела на своего супруга и круто уперла руки в пышные бока.

— Дорогой! Да как можно вообще такое говорить?! Мальчик со службы голодный вернулся!

— Всё, всё, умолкаю, не сердись, голубушка, — примирительно поднял руки супруг, поспешно ретируясь перед этим праведным женским гневом.

Никита ловко воспользовался минутной паузой. Его лицо мгновенно посерьёзнело, а из глаз без следа ушел весь недавний мальчишеский задор, обнажая уставший взор сурового следователя.

— Дядя, а что нынче слышно при дворе государевом? Зачем тебя вызывали? — негромко, вкрадчиво спросил он.

— Тишина... — мигом помрачнел Николай Иванович. Он отложил серебряный прибор и тяжело, гнетуще вздохнул. — И эта тишина, признаться, меня пугает больше всего. Если бы Догодькин с Крагиным обнаружили пропажу девки и затеяли честную игру, они бы уже давно подняли дикий, невообразимый переполох на всю северную столицу! Жаловались бы государю, сыщиков Преображенского приказа на ноги поставили. А тут — молчок. Что-то эти хитрые лисы точно замышляют за нашей спиной, готовят ответный, смертоносный удар. Так что будь в сто крат настороже, Никита. Я со своей стороны уже отправил верных, проверенных людей денно и нощно следить за каждым шагом Догодькина.

— Хорошо. Дядя, это... дело первостепенной важности, — тихо, почти шепотом произнес молодой граф, украдкой косясь на хлопчущую тётушку. — Могу я прямо сейчас переговорить с тобой с глазу на глаз, в твоём закрытом кабинете?

— Конечно, сынок. Переговорим обязательно, — усмехаясь в седые усы, Николай Иванович заговорщически показал глазами на тарелку племянника. Она по-прежнему была до самого верха завалена дышащим жаром сочным мясом. — Только сперва изволь доесть вот это всё до последнего куска. Иначе Мария нас обоих со свету сживет, в Тайном приказе от допросов легче укрыться, чем от её заботы.

— Тётушка, пощади!.. — в шутливом ужасе взмолился молодой граф, преданно глядя на неподъемную гору угощений.

— И никаких мне «тётушка»! Ешь! Приезжаешь к нам редкими наездами, питаешься там у себя в глуши из рук вон плохо! Даже не вздумай мне тут перечить! — решительно заключила женщина.

Мария Петровна с важным видом опустила глаза в свою тарелку, наглядно демонстрируя: эта дискуссия раз и навсегда окончена, обжалованию не подлежит.

Никита наигранно-обречённо вздохнул. Против такой всесокрушающей семейной ласки даже Тайная канцелярия была бессильна.

— Как скажешь, тётушка... — покорно протянул он, нехотя берясь за вилку.

— Ну и хорошо, ну и славно, — довольно, с материнской гордостью улыбнулась женщина, глядя, как племянник принялся за еду.

После сытной, долгой трапезы мужчины наконец-то уединились в благословенной тишине закрытого кабинета. Здесь пахло старой выделанной кожей, плотными книжными переплетами и сухими чернилами. Николай Иванович плотно притворил тяжелую дубовую дверь на медный засов, отсекая любые лишние уши.

— Ну, рассказывай, сынок, что тебя так сильно тревожит? На тебе ведь с самого утра ровно мертвец застыл, — мягко начал Николай Иванович.

Он неторопливо подошел к резному дубовому поставцу. Старик принялся аккуратно разливать по маленьким хрустальным рюмочкам ароматную, тягучую домашнюю настойку на спелой рябине.

— Дядя... Дядя, натворил я таких дел, что хоть в петлю лезь, душу навеки погубил, — глухо начал молодой граф, устало глядя в гладкие половицы.

Он нервно забарабанил сильными пальцами по колену, и этот жест выдавал его крайнюю степень душевного разорения.

— Мало того, что я по первому порыву похитил эту безвинную барышню, так вчера поздней ночью я её... совратил. Или она меня? Чёрт ногу сломит, в голове одна сплошная, дикая, лихорадочная неразбериха! Всё происходящее похоже на какое-то безумное скоморошье действо, наваждение дьявольское! Господи...

Никита со стоном зарыл пальцы в свои растрепанные волосы, и рюмка в его руке мелко, предательски задрожала.

— Теперь я без конца, каждую проклятую минуту корю себя за то, что окончательно и бесповоротно испортил жизнь девице, лишил её чести. Она ведь официально обручена, у неё свадьба на носу! И, кажется, она совершенно искренне, всем сердцем любит этого ничтожного Илюшеньку Догодькина, будь он трижды неладен со всем своим воровским родом! — в голосе Никиты внезапно прорвалась глухая, обжигающая ярость, больше похожая на бешеную мужскую ревность.

— Сынок, в твоих горячих словах я слышу не просто раскаяние, а глубокую, болезненную горечь, — Николай Иванович внимательно, с затаенной, отеческой мудростью посмотрел на племянника, пододвигая ему хрустальную рюмочку. — Неужели эта строптивая пленница так сильно запала тебе в душу?

— Нет, вовсе нет! Что ты такое говоришь, дядя! — поспешно, чересчур бурно принял оправдываться Никита, и на его бледных щеках снова выступил багровый, лихорадочный румянец. Он судорожно опрокинул настойку в рот, словно пытаясь залить этот внутренний пожар.

— Мне просто по-человечески, христиански жаль бедолагу. Она ведь совершенно случайно, исключительно по вине своего подлого отца, попала в наше страшное, кровавое противостояние! Она ни в едином грехе не виновата!

— Как знаешь, Никитушка, как знаешь... — загадочно, одними лишь уголками губ улыбнулся Николай Иванович, чинно пригубив ароматную рябиновку. Он слишком хорошо знал гордую, упрямую породу Кречетовых: они никогда не признавались в своей слабости к женщине, пока та полностью не забирала их сердце. — И что же ты в таком случае собираешься делать дальше, когда хмель сошел? Какой твой следующий шаг? Как будешь Крагина к ответу призывать?

— Нужно немедленно, не теряя драгоценного времени, снова наведаться к Крагину в его имение, — Никита резко поднял голову, и его взгляд вновь стал острым, как стальной клинок Преображенского полка. — И, пожалуй, на эту встречу я возьму девчонку с собой. Кирилл при похищении на тракте умудрился хладнокровно убить её мать... Этот упитанный балбес никогда в жизни не сможет идеально выполнить тонкий приказ!

Граф зло сплюнул на половицы.

— Я переговорю с Семёном Ивановичем лично, без свидетелей. Выясню у него под страхом плахи и каторги, что именно он знает по поводу страшной гибели моего отца, генерала Кречетова. И насколько он сам причастен к тому подлому поджогу нашей родовой усадьбы. Завтра как раз состоятся похороны госпожи Крагиной. Лучшего момента для сокрушительного удара не найти. На погребении враг будет слаб, растерян и сломлен горем.

— Будь осторожен, Никита. Умоляю тебя, держи ухо востро, — мигом растерял всю недавнюю веселость старик. Он грозно нахмурился и предостерегающе поднял сухой палец. — Не зря этот хитрый лис Крагин так подозрительно затих после получения твоего зловещего письма. Такие люди просто так оружие не складывают. Как бы он сам не заманил тебя в расставленную ловушку.

Молодой граф согласно и угрюмо кивнул.

— Что там слышно про нашего царевича Алексея Петровича? — тихо спросил Никита, пригубив крепкую настойку. — Как всегда, творит глупости и ищет заговора?

— Да, после последнего строгого, грозного предупреждения государя Петра Алексеевича наследник немного притих, затаился, — вздохнул Николай Иванович. — Наши верные люди из Тайного приказа неотлучно за ним наблюдают. Догодькин встречался с царевичем пару раз в Летнем саду, но подробности их беседы нам пока, увы, неизвестны. Наша «Наташа» — самый надежный, законспирированный агент во дворце — ещё просто не успела выведать, о чём они шептались в покоях молодого наследника.

— Эта сволочь Догодькин никогда себя открыто не выдает! Всегда чужими руками жар загребает, — зло, со скрежетом процедил сквозь зубы Никита, в ярости сжимая кулак.

Его кулаки судорожно сжались, добела обнажив костяшки пальцев.

— Постоянно, в самый последний миг этот гад соскальзывает с нашего крючка! Ах, дядя, как же мне хочется лично приставить этому мерзавцу острый кортик к самому горлу! Увидеть в его змеиных глазах дикий, животный страх и услышать жалкую мольбу о милости! Я жажду расплаты за всё поруганное прошлое.

— Не торопись, Никитушка. Горячность в нашем деле — первый враг, — Николай Иванович предостерегающе покачал головой. — Мсти не в горячности, а в суждении разума. Не пыли, сынок, действуй обдуманно, без лишнего шума и суеты.

Никита тяжело, со свистом вздохнул и покорно склонил голову:

— Ты прав, дядя. Твоя правда, вековая.

— Ты останешься сегодня здесь, в родных стенах? Не поедешь на ночь глядя в своё загородное поместье? — поинтересовался старик, ласково всматриваясь в осунувшееся лицо племянника.

— Нет, дядя, останусь, — глухо отозвался молодой граф, чувствуя, как силы окончательно покидают его. — Я смертельно устал от всей этой бесконечной сыскной суеты и фальшивых масок. Здесь, у вас, тихо и спокойно. Мне жизненно необходимо восстановиться и набраться сил перед завтрашним днем.

Мужчины разошлись по своим комнатам далеко за полночь, когда в усадьбе погасли последние восковые свечи. Молодой граф долго, мучительно ворочался на мягких перинах, но сон не шёл к нему. Все его думы, наперекор здравому смыслу и хвалёной железной воле, упрямо возвращались к оставленной в загородном доме Катерине.

В ночной тишине он словно наяву осязал её мягкое, податливое, нежное тело. То самое тело, которое ещё прошлой ночью так страстно, жадно и упоительно льнуло к нему, сгорая в безумном, греховном пламени. В груди сыщика Тайного приказа разгорался совсем не служебный пожар, и огонь этот пугал его своей неодолимой силой.

«Ах, Катерина, Катерина... И почему я без конца думаю об этой строптивой девице? — бессильно злился на себя Никита, комкая в кулаках смятые простыни. — Спрашивается, какое мне вообще дело до её слез и вздохов? У нас нет и вовек не может быть ничего общего. Да и как я, дворянин Кречетов, могу делить ложе с дочерью своего кровного, заклятого врага?»

«Но всё же... Пока она находится в моей полной воле и власти, почему бы мне не брать то, что причитается победителю? Буду черпать из этого источника всё, что пожелаю. И нечего более мучить себя глупыми, бабскими угрызениями совести!» — с этой циничной, эгоистичной мужской мыслью, призванной усмирить уязвленную гордость, молодой граф наконец-то забылся глубоким сном.

Утром Никита проснулся с первыми петухами. Быстро, на ходу откушав, тепло простился с дядей и тётушкой, вскочил на верного скакуна и отправился в обратный путь.

Катерина тем временем трудилась в поместье до полного изнеможения сил. Отмыв, вычистив и прибрав весь огромный, запущенный дом, измученная девушка без чувств рухнула на постель прямо в грубом крестьянском платье. Она мгновенно уснула мертвым сном безвинной сироты. Как ни странно, каторжный физический труд действительно принес ей долгожданное, спасительное облегчение, на время заглушив черные, горькие думы о страшной гибели матери. Она выжгла свою боль этой уборкой.

Никита неспешно, без лишнего шума вошел в свои загородные владения. Усадьба ещё была погружена в тихую утреннюю дрему. Едва переступив порог просторных сеней, граф буквально ошеломлен, поразившись идеальной, хрустальной чистоте всех комнат. В высокое, распахнутое настежь окно ласково заглядывало яркое весеннее солнце, а с улицы тянуло пьянящей свежестью клейких тополиных почек и первой грозовой прохладой. В каждом уголке, в аккуратно расставленной мебели и пахнущих весенним ветром выстиранных портьерах отчетливо чувствовалась заботливая, нежная, но уставшая женская рука. Здесь больше не пахло заброшенным холостяцким жильем — здесь воцарился подлинный, теплый домашний очаг.

Молодой граф тихо, на цыпочках поднялся по лестнице и заглянул в покои пленницы. Катерина спала безмятежно, без задних ног. Она забавно распласталась на постели «звездочкой» прямо в простом сарафане, едва слышно посапывая. Аккуратно прикрыв дверь, Никита не стал тревожить её покой. Он бесшумно направился в каминную залу, где на широких кожаных лавках, укрывшись шинелями, почивали его верные друзья.

— Доброе утро, господа офицеры! Смотрю, кругом у вас царит беспробудное, богатырское забытие. Что вы вчера такого сотворили, что так смертельно устали на постоянных квартирах? — с ироничной усмешкой спросил Никита.

Он присел в кресло, с живым интересом разглядывая заспанного, помятого Максима.

— Что-что... Госпожа Крагина до самого рассвета драила этот дом, ровно заправский бомбардир пушечную палубу, ну а мы ей безропотно помогали, — обречённо вздохнул тот, до хруста потирая затекшую шею. — Уж лучше бы я, Никита, скакал верхом без остановки целую неделю под проливным весенним дождем, чем участвовал в этом бабском безумии! Кирилл, плут эдакий, хитрая лиса, едва почуяв тяжелую работу, тут же сослался на резкую резь в животе и трусливо улизнул спать в тёплый угол. А мне пришлось возиться в этом курятнике, тяжелые портъеры ей подавать! Иван-лоботряс всякий раз сбегал на кухню под предлогом важной готовки, так что я один отдувался тут за всю Тайную канцелярию. Ну, рассказывай ладно. Узнал что-нибудь важное у дяди Богданова?

— Нет, в городе всё подозрительно тихо, заговорщики затаились, — хмуро покачал головой Никита, и мимолетная улыбка мигом сошла с его лица, уступая место привычной жесткости. — Сегодня состоятся похороны матери Катерины. Нам нужно тайно, без лишних глаз наведаться в имение к Крагину и жестко поговорить с ним без свидетелей. Заодно... заодно и девчонка сможет в последний раз побывать на погребении матери. Собирайтесь.

— Мне кажется, везти её туда — крайне опрометчивый, безумный и смертельно опасный шаг, командир, — сильно нахмурился Максим.

Внутри у него забил тревожный набат. Офицер пристально, испытующе вглядывался в лицо друга, пытаясь отыскать в его взоре прежнюю ледяную расчетливость, но видел лишь глухое смятение. Максим всерьез испугался, что Никита, сам того не замечая, затягивает вокруг своей шеи невидимую петлю.

— Пойми ты, — глухо, сдерживая волнение, продолжил Максим, сделав шаг ближе к графу. — Вдруг у свежей могилы засада? Столичные ищейки Крагина или цепные псы Догодькина только и ждут, чтобы мы совершили оплошность! Полно гореть ложным благородством, Никита. Стоит заговорщикам заметить её — и ты в один миг потеряешь свой единственный, драгоценный рычаг воздействия на них. Нас самих под плаху Преображенского приказа подведут за такое самоуправство, государь шутить не любит!

— Меня совесть гложет перед ней, — тихо, но удивительно твёрдо признался молодой граф, отворачиваясь и глядя в залитое весенним солнцем окно. — Из-за нашей трагической ошибки и дурости Кирилла на тракте погибла абсолютно безвинная женщина. Я просто по-человечески, как христианин, не могу поступить иначе. Не могу лишить её последнего прощания.

Максим обреченно вздохнул, понимая, что командиром сейчас движет далеко не холодный сыскной расчет. В его голосе сквозило то, чего кадровый военный боялся больше всего, — личная, глубокая привязанность к пленнице. Если Никита увязнет в чувствах к дочери убийцы своего отца, эта шпионская дуэль будет проиграна до её начала. Страсть ослепит его в самый решающий момент, и хитрый лис Крагин без труда нанесет ответный, смертоносный удар.

— Что ж... Твоя воля, граф. Ты у нас старший, — серьезно ответил Максим, насупившись и резким, суровым движением поправляя кожаную португую. — В таком случае мы с Кириллом во всеоружии будем неотлучно тебя сопровождать. Разобьем лоб, но прикроем твою спину. Мало ли что, вдруг Крагин уже прознал про наше укрытие и приготовил кровавую ловушку в родовом селе. Нельзя недооценивать этих хитрых, загнанных в угол мерзавцев.

— Согласен. Выкатывайте карету и вели Ивану будить Катерину, — глухо отозвался Никита.

Похороны госпожи Софьи Крагиной проходили тихо, под хмурым весенним небом. Убитый горем Семён Иванович собрал на уединенном погосте лишь самых близких родственников. Ну и, разумеется, в первых рядах скорбящих стоял Пётр Николаевич Догодькин вместе со своим сыном Ильюшенькой — несостоявшимся, пресным женихом Катерины.

Сама Катерина, с ног до головы укутанная в глубокую, плотную чёрную вуаль, стояла далеко поодаль, в безмолвной тени вековых кладбищенских деревьев. Она находилась под

надёжной, невидимой для траурной толпы охраной Максима и Кирилла. Девушка беззвучно глотала горькие, жгучие слёзы. Невыносимая боль разрывала её исплаканное сердце, но она не смела выдать своего присутствия ни единым вздохом, чтобы не сорвать тайный уговор и не навлечь новые беды на отцовский дом.

Никита в это самое время скрывался в закрытой карете на краю лесного кладбища. Сквозь узкую щель плотной занавески он внимательно, как матерый хищник, наблюдал за каждым присутствующим у разрытой могилы. Граф терпеливо ожидал возвращения своих соратников и окончания горестного обряда.

После тяжелой погребальной церемонии Крагин, трясущимися руками утирая слезы шелковым платком, негромко пригласил немногочисленных гостей в свой опустевший, осиротевший дом, чтобы по старинному дворянскому обычаю помянуть усопшую супругу.

— Мои глубочайшие соболезнования, Семён Иванович, — вкрадчиво, приглушенным голосом начал Догодькин-старший, когда гости расселись по местам. При этом он вполне вальяжно налил себе очередную чарку крепкой водки. — Не изводите вы так своё сердце, не кручиньтесь попусту. С этой наглой занозой — дерзким похитителем из Тайного приказа — мы быстро разберёмся. И доченька ваша Катерина Семеновна скоро воротится под отчий кров. Мой Илья вон сам третий день места себе не находит от жгучего горя, иссох весь мальчик.

Молодой человек послушно, уныло кивнул, состроив скорбную мину. На самом же деле никакого горя Илья не испытывал — Катерину он никогда не любил, видя в ней лишь высокомерную столичную куклу. Его изнеженное девичьим обожанием самолюбие было уязвлено тем, что невесту нагло украли у него из-под носа, но куда больше его заботило богатое приданое Крагиных — бескрайние земли и тысячи крепостных душ, ради которых он и подчинялся железной воле своего амбициозного папеньки. Порываться на её поиски ему и в мыслях не приходилось: трусливая душонка замирала от одного упоминания ищеек Преображенского полка.

— Я ведь сразу, папенька, рвался самолично поехать и забрать Катеньку силой, с оружием в руках! — плаксиво, заискивающе глядя на отца, добавил юнец. — Изрубил бы мерзавца на куски! Но вы тогда были категорически против, велели ждать.

— Ничего, сынок, скоро всё образуется, проучим сыскную тварь. И вы с Катериной обязательно обвенчаетесь, будь покоен, сделка наша в силу вступит, — задумчиво и глухо ответил Догодькин-старший, многозначительно зыркнув на хозяина дома.

Семён Иванович лишь молча припал к кубку. Тоска и леденящий, могильный страх ядовитой змеёй заполняли его израненную душу. Его некогда весёлая, цветущая, единственная любимая жена теперь навеки лежала в сырой, темной земле. А дочка?.. Что теперь станет с его хрупкой, беззащитной дочкой в лапах безжалостных палачей Богданова? Он чувствовал, как петля заговора царевича Алексея, в который он так неосмотрительно ввязался, теперь затягивается на его собственной шее.

Тем временем на глухой окраине кладбища тяжелая дверца кареты со стуком захлопнулась. Максим и Кирилл незаметно вернули пленницу обратно под конвой графа, растворившись среди весенних деревьев.

— Куда вы меня теперь везёте? — озабоченно, с затаенным страхом спросила девушка, усаживаясь на мягкое сиденье прямо напротив Никиты.

— Обратно в ваше заточение, сударыня. Примите это мимолетное свидание с матерью как великодушный жест с моей стороны... в благодарность за вашу безупречную вчерашнюю благосклонность и ночную ласку, — ядовито, с горьким сарказмом усмехнулся Никита.

Он демонстративно отвернулся к занавешенному окну кареты, пряча потемневший, полный душевного разброда взор.

— Вы... вы меня отпускаете?! — с внезапно вспыхнувшей, наивной надеждой в голосе и мгновенно залившись пунцовой краской от лихорадочного смущения, уточнила Катерина.

— Нет, — грубо, словно палаческий топор опустил, буркнул он, даже не повернув головы. — И по поводу прошедшей ночи... Распространяться об этом в светском обществе мы, разумеется, не станем. Бог даст, вернётесь когда-нибудь под венец к своему ненаглядному жениху — он, глядишь, по глупости ничего и не заметит.

На этой фразе граф внезапно запнулся. Хваленая выправка подвела его: он словно самому себе со всего размаху наступил на горло, почувствовав леденящий, яростный укол собственнической ревности. Сама мысль о том, что эта женщина, еще несколько часов назад трепетавшая в его объятиях, будет принадлежать другому, ошпарила его диким гневом.

Катерина удивлённо и глубоко возмущенно уставилась на Никиту:

— Как это — не заметит?! Что вы вообще имеете в виду под этим своим гнусным, подлым намёком, господин сыщик?! И к чему теперь этот широкий жест с похоронами? Неужто у бездушного сухаря совесть христианская под утро проснулась? — зло, с яростным ожесточением съязвила задетая за самое живое дворянка.

— Вы меня и без того терпеть не можете, считаете кровожадным чудовищем, — Никита медленно, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление, повернулся к ней лицом.

Он посмотрел на Катерину пронзительным, глубоким и пугающе нежным взглядом загнавшего самого себя в ловушку зверя. В этой душной карете между ними снова явственно заискрило — весенний воздух за окном казался прохладнее их обоюдного пожара.

— А делать вам ещё более больно я просто не намерен. Может быть... может быть, со временем ваша лютая, слепая ненависть ко мне утихнет. Езжайте потом и милуйтесь на здоровье со своим изнеженным, глупым Илюшей. Мне-то какое дело до этого сопляка.

Катерина уставилась на него широко раскрытыми, бездонными глазами и демонстративно промолчала, гордо поджав припухшие губы. К её собственному, пугающему изумлению, слепая и яростная ненависть к этому человеку больше не выжигала её изнутри. На смену ей пришла глухая, колючая злость за его неизменную надменность и леденящую барскую холодность. Ещё эта издевательская, хищная усмешка, которая всякий раз вводила её в подлинное бешенство.

Илюша по сравнению с этим властным, широкоплечим мужчиной действительно казался теперь глупым, совершенно незрелым мальчишкой. Стоило Катерине вспомнить его плаксивый тон, как к горлу подкатывала волна разочарования — роковое сравнение было явно не в пользу жениха. Однако разубеждать Никиту в его ревнивых мыслях она принципиально не стала. Да и зачем? Граф ясно дал понять, что она для него — лишь трофей, мимолетная забава в шпионской игре, и совершенно ему не интересна как женщина. Пусть мучается своей спесью дальше.

Вскоре тяжелая карета резко, с глухим скрипом остановилась в густой лесной глуши, немного не доезжая до парадных ворот поместья Крагина. Никита помрачнел, возвращая себе маску хладнокровного следователя, и привычным, выверенным движением проверил тяжелые кремневые пистолы за кожаным поясом. Впереди их ждала ловушка или триумф.

Он поправил портупею и обернулся к замершим в ожидании соратникам:

— Кирилл, Максим, вы ждете меня в этой лесной глуши. Если я не появлюсь до трёх часов ночи, значит, план провалился и я попался в ловушку. Дальше вы сами знаете, как действовать по уставу Тайного приказа. Сберегите девчонку.

— Будь осторожен, Никита, — Максим участливо и хмуро взгляделся в суровое лицо друга, после чего крепко похлопал его по плечу. — Ещё раз тебе говорю: это бредовая, самоубийственная затея. Но тебя ведь, упрямца, всё равно не переубедить, коль ты что-то вбил себе в голову.

— Ты прав. И прекрасно знаешь мои мотивы, — тихо, но со стальной непреклонностью в голосе ответил Никита.

Граф решительно вышел из кареты в быстро подступающие весенние вечерние сумерки.

Повинуясь приказу, Максим и Кирилл немедленно увели тяжелый барский экипаж в глухое лесное укрытие. Никита же, маскируя свое появление и не желая привлекать внимания челяди Крагина, пересадил Катерину в скромную, неприметную повозку, на которой они тайно подобрались к усадьбе. Вскоре колеса зашкрябали, и повозка с глухим стуком остановилась у самого парадного крыльца погруженного в траурную тишину дома Крагина. Сердце Катерины бешено забилося — она возвращалась в родное гнездо, где еще вчера оплакивали её мать, но теперь рядом с ней стоял человек, перевернувший всю её жизнь.

В этот момент у высокого окна поминальной залы тяжелая бархатная занавесь резко колыхнулась.

— Кто это к тебе пожаловал на ночь глядя, Семён Иванович? — подозрительно спросил Пётр Николаевич Догодькин, осторожно приоткрывая плотную ткань.

Он пристально всмотрелся в сизые весенние сумерки двора, и его холеное лицо вдруг расплылось в хищной, торжествующей улыбке.

— Ах, какая немыслимая удача! Этот глупый сопляк Богданов приехал прямо к нам в руки! Да еще с вашей беглой дочерью Катериной и, погляди-ка, совершенно без свиты. Ну, держись, выскочка... — он осекся, задохнувшись от злорадства.

— ...и наглец! Ну и самомнение у этого сыскного щенка! Что ж, устроим ему по-настоящему «теплый», радушный прием, — змеёй прошипел Догодькин-старший, хищно потирая ладони.

— Что... что мне делать? — испуганно поглядывая на заговорщика, дрожащим, прерывающимся голосом спросил бледный хозяин дома.

— Ах, Семён Иванович, всему вас, безвольных тюфяков, учить надо! Встречайте на крыльце как ни в чём не бывало, ровно гостю дорогому рады. Узнайте, с какими требованиями прибыл этот наглец, но про нас с Ильей — ни единого слова, упаси вас Бог выдавить! Заманите его поглубже в парадные покои, а там мы с моими верными слугами его скрутим, свяжем и тихо, без лишнего шума переговорим, — жестоко, предвкушая скорую расправу, усмехнулся Догодькин. — Идите уж, идите, встречайте дорогих гостей, не заставляйте господина Богданова ждать!

Он бесцеремонно, грубо подтолкнул едва державшегося на ногах собеседника к выходу из погруженной в полумрак столовой.

Как только за безвольным хозяином дома глухо закрылась тяжелая дверь, Илья Догодькин яростно, сорвавшись на фальшивый крик, выпалил в лицо отцу:

— Я сам, самолично прикончу этого мерзавца, батюшка, позволь! Он силой удерживал мою драгоценную Катеньку в сырых казематах! И Бог весть, в каких жутких, скотских условиях! Если бы не ваши вечные, трусливые запреты... Я бы прямо сейчас смыл этот позор его кровью!

Старший Догодькин медленно повернулся и смерил сына ледяным, глубоко презрительным и уничтожающим взглядом:

— Остынь, дурак. Женщины отнюдь не стоят того, чтобы из-за них столь бурно распалиться и рисковать головой. Неужели тебе и впрямь любя эта жеманная кукла?

Сын удивленно, со вспыхнувшей мальчишеской обидой посмотрел на родителя:

— Папенька, я же искренне желаю взять эту благородную девицу в жены. Она мне бесконечно мила и дорога, сердце моё к ней лежит!

Пётр Николаевич тяжело, измученно вздохнул. Он внимательно, словно на слабоумного, посмотрел на своего единственного наследника.

— Милый мой мальчик, эта девица провела столько дней и ночей наедине, во власти другого, сильного и голодного до плоти мужчины... Еще совершенно неизвестно, что этот хищник с ней вытворял в своих застенках. И ты после всего этого несмываемого позора захочешь ввести её в наш дом законной хозяйкой?

Он подошел вплотную к Илье, подавляя его своей зловещей фигурой, и заглянул ему прямо в испуганные, мечущиеся глаза:

— Ты добровольно назовешь своей супругой обесчещенную бабу? С этим проклятым, разоренным семейством Крагина нам теперь и вовсе не стоит связываться — они отработанный материал. Ты же отлично знал все мои великие, далеко идущие замыслы при дворе с самого начала! К чему теперь разыгрывать эту дешевую, сентиментальную любовную трагедию?

— Отец, я... я не знаю... Просто я всегда думал, что ты искренне рад нашей помолвке. И Катя... Катя действительно мне любя, — в полном замешательстве, теряя остатки спеси, беспомощно пробормотал молодой человек.

Юная особа искренне ему симпатизировала. Мысль о том, что эта хрупкая, сияющая молодостью красавица станет его женой, льстила его самолюбию и обещала легкую, приятную жизнь. Но эта робкая весна в его душе мгновенно увядала перед лицом суровой реальности. С самого детства деспотичное слово отца было для него не просто приказом, а непреклонным, священным законом, не подлежащим сомнению. Выросший в тепличном уюте, изнеженный юнец физически не находил в себе сил для протеста. В присутствии родителя его воля парализовалась. Не смея перечить, он парадоксальным образом превратил свой панический страх в слепое поклонение — он буквально боготворил стоявшего перед ним расчетливого, холодного и жестокого человека, видя в его тирании высшую мудрость.

— Сынок, поживем — увидим. Я ведь желаю для тебя всего самого лучшего в этой земной жизни. Все мои тайные, опасные деяния — только ради твоего благополучия, чинов и грядущего счастья, — притворно смягчился Догодькин-старший и покровительственно похлопал парня по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.